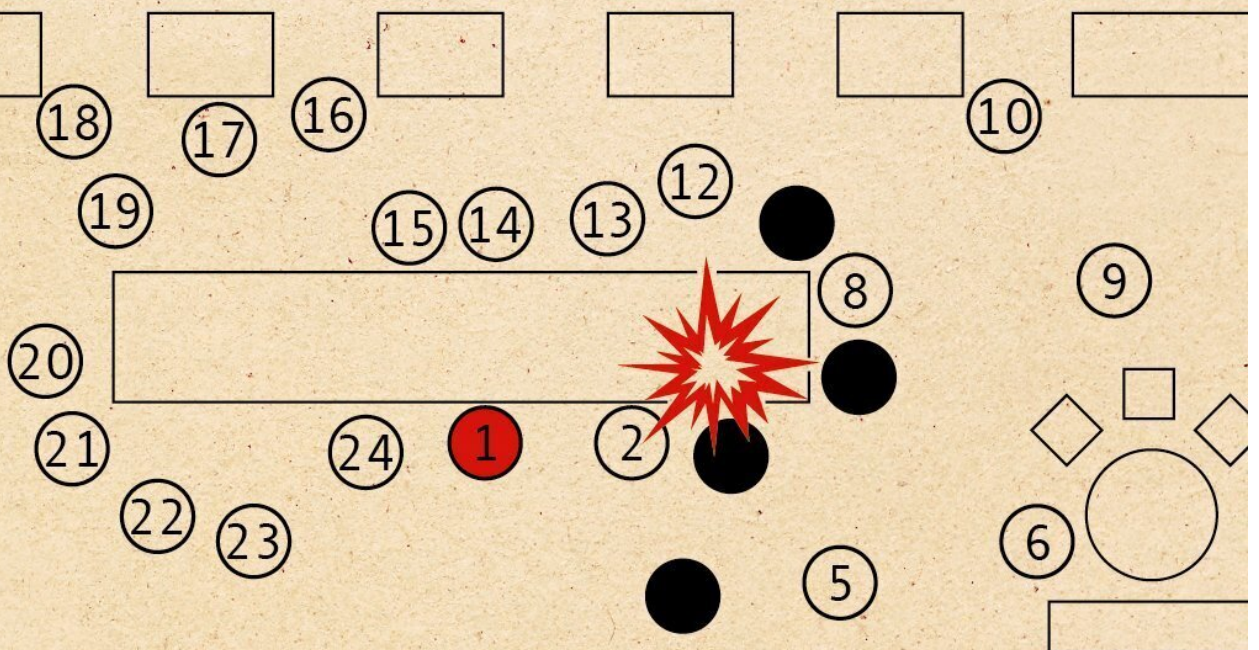

ТОМ ДУНКЕЛЬ

ЧЕРНАЯ КАПЕЛЛА

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

О ЗАГОВОРЕ
ПРОТИВ
ГИТЛЕРА

Гитлерленд. Трагедия нацистской Германии

Том Дункель

**Черная капелла.
Детективная история о
заговоре против Гитлера**

«ЭКСМО»

2022

УДК 94(430)"1939/45"
ББК 63.3(4Гем)62

Дункель Т.

Черная капелла. Детективная история о заговоре против Гитлера
/ Т. Дункель — «Эксмо», 2022 — (Гитлерленд. Трагедия
нацистской Германии)

ISBN 978-5-04-196910-3

В 1938 году окружению Гитлера становится понятно: Европа на пороге большой войны. Разрозненная сеть немецких офицеров, дипломатов, политиков и гражданских лиц делает все, чтобы не допустить кровопролития и подорвать Третий рейх изнутри: сообщает союзникам о передвижениях войск, снабжает дезинформацией нацистское руководство, планирует заговор с целью убийства Адольфа Гитлера и захвата власти. Среди видных участников ячейки, прозванной гестапо «Черной капеллой», — полковник Ханс Остер, богослов Дитрих Бонхёффер и его зять Ганс фон Донаньи, штатный сотрудник абвера, военной разведки Германии. Кульминацией становится неудачная операция «Валькирия» 20 июля 1944 года. Взрыв бомбы, которую в портфеле пронесли на совещание, едва ранит Гитлера — что означает неминуемую смерть для всех заговорщиков. Увлекательная и остросюжетная книга «Черная капелла» — это не только яркий портрет эпохи, но и история о людях, готовых рискнуть своей жизнью, чтобы свернуть с того безумного пути, на который ступила их страна. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)"1939/45"

ББК 63.3(4Гем)62

ISBN 978-5-04-196910-3

© Дункель Т., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	11
3	15
4	22
5	25
6	28
7	31
8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Том Дункель

Черная капелла. Детективная история о заговоре против Гитлера

Tom Dunkel

WHITE KNIGHTS IN THE BLACK ORCHESTRA: THE EXTRAORDINARY STORY
OF THE GERMANS WHO RESISTED HITLER

© 2022 by Tom Dunkel

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc. International Rights Management:
Greene & Heaton

Литературный редактор *Александра Кириллова*

В дизайне обложки использован элемент оформления:

©# musmellow / Shutterstock.com;

В оформлении авантитула использованы иллюстрации:

©# edel, musmellow / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается моему брату Биллу – самому давнему моему другу и
главному знатоку истории. И нашему отцу, которого, как и миллионы
американцев, призвали на «Священную войну»*

*Никто не совершил большей ошибки, чем тот, кто ничего не
сделал, поскольку думал, что может сделать слишком мало.
Эдмунд Берк, ирландский писатель и политик XVIII века*

1

Дома и за рубежом

Воскресным декабрьским утром 1930 года главный пастор Абиссинской баптистской церкви в Нью-Йорке объявил войну Великой депрессии. Более четверти населения Гарлема (преимущественно чернокожие) не имело работы, и он больше не мог видеть их отчаяние. В свои шестьдесят пять лет Адам Клейтон Пауэлл-старший все еще был фигурой внушительной и читал яркие проповеди. И на сей раз его получасовая речь привела в восторг паству. Люди хлынули в зал общины внизу церкви.

– Секира при корне дерев лежит, – гремел Пауэлл, повторяя слова Евангелия от Луки. – Безработные черные, ведомые голодным Богом, придут в негритянские церкви, алкая плодов! И, не найдя ничего, скажут: «Сруби их и брось в огонь!»¹

В Абиссинской церкви открыли бесплатную раздачу супа и создали фонд помощи безработным. Достопочтенный пастор объявил, что жертвует свое жалование за четыре месяца, чтобы показать достойный пример.

Паства отреагировала с неожиданным энтузиазмом. Многие направились к алтарю, роясь в карманах. Деньги сыпались в чаши для пожертвований. Одна женщина отдала бумажник с зарплатой за неделю. В конце службы дьяконы насчитали полторы тысячи долларов наличными и чеками. С характерной нескромностью Пауэлл объявил:

– Это самая впечатляющая кульминация проповеди в моей жизни!²

И Дитрих Бонхёффер тоже никогда не видел ничего подобного. А он прошел большой путь, чтобы принять участие в этой проповеди.

К двадцати одному году немецкий богослов Дитрих Бонхёффер успел получить степени бакалавра, магистра и доктора. Какое-то время он работал помощником пастора в лютеранской церкви Барселоны. К двадцати четырем и он окончил докторантуру по системному богословию в университете Берлина, но для посвящения в сан в Германии был еще слишком молод. Чтобы не терять времени, он решил проучиться два семестра в Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. Эту семинарию по праву считали колыбелью прогрессивного христианского просвещения. В сентябре Бонхёффер отплыл в Америку на корабле «Колумб».

Объединенная теологическая семинария располагалась в кампусе Колумбийского университета, всего в трех с небольшим километрах – и на колоссальном расстоянии в плане доходов – от Абиссинской баптистской церкви. Вместо того чтобы посещать соседнюю Риверсайдскую церковь – пышное, неоготическое здание, вдохновленное знаменитым Шартрским собором и построенное на деньги богатых прихожан, среди которых был и Джон Д. Рокфеллер, – Бонхёффер предпочитал на велосипеде отправляться на 138-ю Западную улицу. К абиссинским баптистам. Франклин Фишер, чернокожий семинарист из Алабамы, как-то предложил ему заехать и познакомиться³. Бонхёффер не только стал прихожанином церкви, но и подружился с достопочтенным Пауэллом и вскоре начал преподавать в воскресной школе, совершать визиты к прихожанам и проводить еженедельные занятия женской группы по изучению Библии. Он считал «личное знакомство с неграми» столь же ценным, сколь занятия в семинарии⁴.

¹ Cheryl Greenberg, *Or Does It Explode? Black Harlem in the Great Depression*. Oxford: Oxford University Press, 1997. С. 60.

² A. Clayton Powell, Sr., *Against the Tide: An Autobiography*. New York: Richard R. Smith, 1938. С. 197–198, 228.

³ Scott Holland, «First We Take Manhattan, Then We Take Berlin: Bonhoeffer's New York». *Cross Currents*. Осень 2000 года.

⁴ Alan Bean, «The African-American Roots of Bonhoeffer's Christianity». *Baptist News Global*. 30 октября 2015 года.

Пауэлл обратился к религии, когда ему было около тридцати. А Бонхёффер с детства знал, что хочет стать священником. В пятнадцать лет он изучал иврит, греческий и французский языки, а также латынь⁵. Братья поддразнивали его за такой выбор профессии. Они заявляли, что организованная религия – скучная и устаревшая, на что Дитрих отвечал: «Тогда я ее реформирую!» И он не шутил.

В семье Бонхёффер было восемь детей. Дитрих и его сестра-двойняшка Сабина были шестым и седьмым ребенком. Состоятельные светские родители редко посещали церковь. Отец – Карл Бонхёффер – возглавлял отделение психиатрии и неврологии в госпитале Шарите, крупнейшей учебной больнице Берлина. Его взгляды были абсолютно традиционными, и он не желал иметь ничего общего с Зигмундом Фрейдом и его психоаналитическим бредом. Мать – Паула Бонхёффер – окончила университет, но посвятила себя детям. В первые, самые важные для формирования личности ребенка годы она сама обучала всех своих детей. «Позвоночник немцам ломают дважды, – часто говорила она. – Сначала в школе, потом – в армии»⁶.

Бонхёфферы жили в роскошном особняке в Грюневальде. В этом зеленом берлинском районе жили кинозвезды и крупные промышленники. Также у семьи был летний дом в горах Гарца. Дети строго подчинялись правилам (упорно учились, давали возможность взрослым спокойно общаться за обеденным столом, уверенно пожимали руку другим людям – слабые, вялые рукопожатия были запрещены). Имели глубокие знания в области искусства, музыки и культуры. За детьми постоянно присматривали няни, экономки и даже кухарки. В старших классах Дитрих признавался Сабине: «Я должен вырваться и жить самостоятельно, без постоянной опеки». Наверное, поэтому много лет спустя он пренебрег роскошной Риверсайдской церковью, предпочтя ей бедную Абиссинскую⁷.

Светлые шелковистые волосы, немецкий акцент, изысканные манеры Старого Света и природная скромность (приятель сухо замечал, что Дитрих «не из тех, кто выставляет свои достоинства напоказ») делали Бонхёффера, казалось бы, абсолютно неуместным в Гарлеме⁸. Однако он всем сердцем полюбил этот квартал, запоем читал книги У. Э. Б. Дюбуа⁹ и стихи Лэнгстона Хьюза¹⁰. Бонхёффер прекрасно играл на рояле – он вырос на сонатах Моцарта. Но в Гарлеме он изменил своим вкусам. Все вечера он проводил в прокуренных джазовых клубах – например, «Коттон» или «Топ Хэт». Он высоко ценил негритянские спиричуэлс¹¹. В его комнате частенько звучал проникновенный баритон Пола Робсона: «Go down Moses! Way down in Egypt land. Tell old Pharaoh, Let my people go!»¹².

В этом городе все находило отклик в душе молодого богослова; все, кроме «ужасающей абсурдности» сухого закона. В письме к родителям Бонхёффер отмечал: «Если бы кто-то попытался испробовать Нью-Йорк на полную катушку, это означало бы практически смерть». Методичный Дитрих отправился в Америку с блокнотом, куда записал подходящие ответы

⁵ Биографические сведения о Дитрихе Бонхёффере и цитаты приводятся по: Bethge, Dietrich Bonhoeffer; Marsh, Strange Glory.

⁶ Leonore Siegele-Wenschkewitz, «Die Ehre der Frau, dem Manne zu dienen: Zum Frauenbild Dietrich Bonhoeffers». В *Wie Theologen Frauen sehen – von der Macht der Bilder*, ed. Leonore Siegele-Wenschkewitz, Renate Jost, and Ursula Kuberg. Freiburg: Herder Verlag, 1993. С. 105.

⁷ Bethge, Dietrich Bonhoeffer, 20. См. также: John McQuarrie, «Dietrich Bonhoeffer». *New York Times*. 21 июня 1970 года.

⁸ Zimmermann et al., *I Knew Dietrich Bonhoeffer*. С. 95.

⁹ Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа (1868–1963) – общественный деятель, борец за права афроамериканцев, основатель Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. (*Здесь и далее прим. ред.*)

¹⁰ Джеймс Мерсер Лэнгстон Хьюз (1902–1967) – американский поэт, прозаик, драматург. Видный представитель «Гарлемского ренессанса» – культурного движения, возглавляемого афроамериканскими писателями и художниками, и «джазовой поэзии» – направления, в основе которого проблематика, ритмика и мелодика джаза.

¹¹ Спиричуэлс – духовные песни афроамериканцев-протестантов, переосмысление традиционных протестантских гимнов. Оказали большое влияние на афроамериканскую культуру XX века, в том числе на джаз.

¹² Иди же, Моисей! Иди в Египет. Скажи старому фараону: «Отпусти народ мой!» (*англ.*)

любопытным ньюйоркцам, которые захотят узнать, испытывают ли немцы чувство вины за развязанную ими Первую мировую войну. Этому вопроса ему не задали ни разу.

Самый большой сюрприз ожидал его в семинарии. Американцы уделяли очень мало внимания изучению Священного Писания и Библии. «Здесь нет *теологии*», – жаловался Бонхёффер¹³. Однако не оценить обширной в остальном учебной программы он не мог. Рейнгольд Нибуру¹⁴, бывший социалист, неокальвинист, недавно пришел в Объединенную семинарию. Бонхёффер записался на его курс «Этические взгляды в современной литературе». Книга Синклера Льюиса «Элмер Гентри»¹⁵ показалась ему довольно провокативной, он любил Ибсена и полностью отвергал циничного Джорджа Бернарда Шоу. Один из студентов познакомил его с идеями пацифизма и всехристианского единства – экуменизма, более идеалистическими, чем фирменное «практическое богословие» Рейнгольда Нибура.

Бонхёффер стремился проводить каждую минуту за рубежом с пользой. День благодарения он провел в Вашингтоне вместе с Франклином Фишером. Там они осмотрели мемориал Линкольна. Со швейцарским соучеником в Рождество Бонхёффер отправился на Кубу. Затем Дитрих решил стать настоящим американцем и получить водительские права. Он отправился на экзамен – и провалился. Товарищ по семинарии, Пауль Леман, дал ему полезный совет: хочешь сдать экзамен в Нью-Йорке – дай на лапу экзаменатору¹⁶. Взятка?! «Я никогда так не сделаю!» – возмутился Бонхёффер.

Дитрих отправился на экзамен во второй раз. И снова провалился. В третий раз его сопровождал Леман. Бонхёффер отправился на экзамен – и сдал!

– Я смог! – воскликнул он.

– Конечно, – пожал плечами Леман. – Я дал тому парню пять долларов.

Получив права весной 1931 года, Бонхёффер вместе с французским студентом отправился в Мексику. На стареньком «Олдсмобиле», позаимствованном у друга, они проехали четыре тысячи миль. Больше всего Дитриха изумлял, причем неприятно, закоренелый расизм американцев. Как белые могут восхищаться гениальным аранжировщиком, композитором и дирижером Дюком Эллингтоном и при этом запрещать ему пить воду из одного с ними фонтанчика просто потому, что он чернокожий? В Германии ничего подобного не было.

Пока не было.

В Нью-Йорк Бонхёффер отправился за три недели до немецких выборов 1930 года. В них принимал участие новый кандидат, мюнхенский антисемит со смешными усиками, Адольф Гитлер. К изумлению экспертов, ему за очень короткий срок удалось полностью изменить политический ландшафт Германии. Его националистическая буйная партия заняла на выборах второе место, и Гитлер получил возможность расправить плечи. Его полувоенная организация штурмовиков (*Sturmabteilung*, SA, СА, или в просторечии «коричневорубашечники») и элитная охрана (*Schutzstaffel*, SS, СС – «чернорубашечники») с каждым днем казались все менее комичными. Теперь они внушали страх.

В ноябре Бонхёффер получил письмо от младшего брата, адвоката Клауса. «Народ заигрывает с фашизмом, – писал Клаус. – Если эта радикальная волна захлестнет и образованные

¹³ David Ford, *The Modern Theologians: An Introduction to Christian Theology Since 1918*, 32nd ed. New York: Wiley, John & Sons, 1965. С. 45. Цит. из письма Бонхёффера суперинтенданту окружной церкви в Берлине Макс Дистиллю.

¹⁴ Рейнгольд Нибуру (1892–1971) – теолог-неокальвинист, автор концепции «христианского реализма». Согласно Нибуру, Царство Божие невозможно реализовать на Земле из-за врожденных пороков (гордость, жажда власти и т. п.), однако, несмотря на это, человек обязан стремиться к преодолению грехов внутри себя и общества.

¹⁵ «Элмер Гентри» – сатирический роман американского писателя, лауреата Нобелевской премии Синклера Льюиса. Представляет собой едкое осмысление американской религиозной деятельности начала XX века.

¹⁶ Travis Rogers Jr., «Meeting Remarkable People: Paul Lehmann, Part Three». *The Jazz Owl* (blog). 30 сентября 2011 года. URL: <http://travisrogersjr.weebly.com/meetings-with-remarkable-people/meeting-remarkable-people-paul-lehmann-part-three#comments>; переписка автора с Тревисом Роджерсом, 13–15 февраля 2021 года.

классы, боюсь, нации поэтов и философов придет конец». Мать тоже беспокоилась – у фрау Бонхёффер возникло тягостное чувство, что «скоро появится правительство нацистов»¹⁷. А вот отец, Карл Бонхёффер, сохранял оптимизм. В апреле 1931 года он уверял сына, что риски политической катастрофы явно «завышены» и не стоит поддаваться панике. «Помимо всего прочего, – писал он, – даже нацисты не так глупы, чтобы полагать, будто мы способны вести войну».

Через три месяца учеба в Нью-Йорке закончилась. Дитрих Бонхёффер собрал чемодан, упаковал недавно приобретенную коллекцию записей спиричуэлс, отплыл в Европу. Ему было любопытно увидеть, насколько изменилась родная страна и он сам.

¹⁷ DBWE, 17:69. Письмо Паулы Бонхёффер от 20 января 1931 года.

2

Послевоенный туман

Адольф Гитлер родился в Австрии, но во время Первой мировой войны служил в баварской армии. За четыре года ему удалось получить лишь звание ефрейтора – всего на одну ступень выше, чем рядовой. Он был дважды ранен, но единственным тяжким последствием войны для него стало абсолютное нежелание мириться с условиями Версальского договора. Германии пришлось выплатить колоссальные репарации в размере 33 миллиардов долларов, а также практически отказаться от армии – отныне в стране не могло быть больше 100 тысяч солдат и 36 военных кораблей. Последним унижением стал пункт о виновности в развязывании войны. Германия должна была принять на себя исключительную ответственность «за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны»¹⁸.

В сентябре 1919 года, все еще продолжая служить в Мюнхене, ефрейтор Гитлер стал 55-м членом недавно созданной крайне правой Немецкой рабочей партии. В следующем году он ушел из армии и принял на себя руководство пропагандой. Благодаря ему партия изменила название – отныне это была Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (членов партии называли нацистами). Именно Гитлер придумал броский флаг с черной свастикой на красно-белом фоне. Вскоре Адольф Гитлер стал главой новой партии.

8 ноября 1924 года Гитлер решил свергнуть баварское правительство. Центром заговора стала большая мюнхенская пивная «Бюргербройкеллер». Заговор завершился грандиозным провалом. В результате так называемого пивного путча нацистская партия была объявлена вне закона, а лидер ее приговорен к пяти годам в тюрьме Ландсберг за государственную измену. Впрочем, в заключении Гитлер провел всего восемь месяцев. Условия были весьма комфортными, и за это время он написал книгу – автобиографию и одновременно политический манифест. Перед Рождеством 1924 года Гитлера выпустили, и он сразу же принялся за восстановление нацистской партии. Через несколько месяцев увидел свет его труд «Моя борьба»¹⁹. Хотя за первый год было продано всего 9473 экземпляра, выход книги существенно упрочил политическую репутацию автора²⁰. Гитлер описывал планы нацистской партии по восстановлению Германии – среди прочего отказ от Версальского договора и избавление от вредоносных коммунистов, социалистов и евреев.

В «Моей борьбе» упомянут лишь один американец – реакционный автомобильный магнат Генри Форд. «Биржевыми силами Американского союза управляют евреи, – писал Гитлер. – Лишь один великий человек, Форд, к их ярости, все еще сохраняет полную независимость»²¹. Лидер нацистов был давним почитателем Форда, фотография американского предпринимателя даже висела на стене его мюнхенского кабинета²². Чуть раньше, за год до выхода книги, американский журналист спрашивал Гитлера, считает ли он, что Форд должен баллотироваться в президенты Соединенных Штатов. «Хотел бы я иметь возможность послать своих штурмовиков в Чикаго и другие крупные американские города, чтобы помочь ему на

¹⁸ Полный текст см. URL: www.facinghistory.org/weimar-republic-fragility-democracy/politics/treaty-versailles-text-article-231-war-guilt-clause-politics.

¹⁹ Книга является запрещенным материалом в РФ.

²⁰ Mein Kampf, показатели продаж. URL: www.biblio.com/mein-kampf-by-hitler-adolf/work/82968.

²¹ Цитату Форда о Mein Kampf's Ford см. в блоге Дины Уильямс. URL: www.dinahwilliams.com/hitler-inspired-by-henry-ford/.

²² «Berlin Hears Ford Is Backing Hitler». *New York Times*. 20 декабря 1922 года.

выборах, – ответил Гитлер ²³. – Мы видим в Генри Форде лидера зарождающегося фашистского движения в Америке»²⁴.

Германия не успела оправиться от Первой мировой войны, как начала ощущать влияние набирающей обороты Великой депрессии, начавшейся в Соединенных Штатах. Безработица перевалила за 8 % и стремилась к 30 %. Промышленное производство сократилось, инфляция стремительно росла. Батон хлеба стоил больше миллиона рейхсмарок ²⁵. Курс доллара превышал четыре *триллиона* рейхсмарок за доллар. Немецкие деньги практически ничего не стоили – дети клеили из них воздушных змеев. Взрослые видели, как их сбережения буквально превращаются в дым – рейхсмарки использовали для розжига²⁶.

Еще больше осложняла ситуацию политическая нестабильность. С 1871 года и до конца Первой мировой войны в Германии правила наследственная монархия. Однако после поражения в войне кайзер Вильгельм II отрекся от престола и позорно бежал в Нидерланды. Послевоенная Веймарская республика стала демократическим экспериментом – настолько смелым, что право голоса получили даже женщины (что было внове для Европы того времени), и настолько хаотичным, что в выборах принимали участие более трех десятков партий.

Реконструируя свою политическую систему, немцы во многих отношениях строили машину с двумя моторами. По новой конституции номинальным командующим армией становился президент, избираемый народным голосованием на семь лет. В то же время он был наделен дополнительными полномочиями, благодаря чему в период кризиса мог подчинить себе другие ветви власти. Реальная конституционная власть оказалась сосредоточена в руках канцлера и кабинета министров – кандидатов должен был одобрить рейхстаг, или нижняя палата парламента. Представительство каждой партии в рейхстаге определялось результатами выборов – за каждые 60 тысяч голосов партия получала одно место. Члены второй, менее влиятельной палаты, рейхсрата, назначались немецкими землями.

Во главе веймарского правительства всегда оказывалась левоцентристская Социал-демократическая партия, но ей ни разу не удалось получить парламентское большинство. Приходилось полагаться на весьма непрочные коалиции. На выборах 1928 года социал-демократы получили 30 % голосов, чего хватило лишь на 153 места в рейхстаге, насчитывавшем в то время 491 место. Поэтому пришлось заключать шаткий союз с тремя мелкими партиями. На тех выборах нацисты набрали чуть больше двух с половиной процентов. Однако все больше немцев считали, что решительный лидер – приверженец ультранационалистических идей предпочтительнее бесхребетного правительства. Пусть Гитлер и не обладал какими-то достоинствами, его уверенности оказалось достаточно. Яркий оратор, он постоянно твердил, что коммунисты и евреи довели Германию до гибели. Сначала Гитлер выступал перед буйными завсегдатаями пивных, а вскоре уже собирал огромные митинги, в которых принимали участие более 20 тысяч его последователей²⁷.

К 1930 году доля социал-демократов на выборах сократилась до 24 %, тогда как нацистам удалось занять второе место с 18 %. Социал-демократы сформировали очередную сомнительную коалицию, которая вскоре рухнула. В 1925 году президентом был избран престарелый Пауль фон Гинденбург (ему, бывшему фельдмаршалу Первой мировой войны, было уже за восемьдесят). Используя свои дополнительные полномочия, он назначил правительство мень-

²³ Там же. В то время Гитлер располагал вооруженным «штурмовым батальоном» численностью тысяча человек.

²⁴ *Chicago Tribune*. 8 марта 1923 года.

²⁵ *Marsh*, *Strange Glory*. С. 23.

²⁶ См.: Alex Q. Arbuckle, «Hyperinflation in Germany». URL: <https://mashable.com/2016/07/27/german-hyperinflation/#>.

²⁷ 15 августа 1930 года Гитлер выступил на 30-тысячном митинге в Эссене. Подробнее о выступлениях Гитлера и числе присутствующих см. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/List%20of%20speeches%20given%20by%20Adolf%20Hitler>.

шинства, возглавляемое более умеренной партией Центра. Германия топталась на месте, все сильнее погружаясь в трясины депрессии.

В 1932 году Гинденбург вновь победил на выборах и вновь создал коалицию партии Центра. Первого июня он отверг кандидатуру Гитлера и предложил пост канцлера убежденному консерватору, избегавшему всяческой театральности, Францу фон Папену. Но Папен получил настолько мизерную поддержку в рейхстаге, что Гинденбургу пришлось срочно объявлять новые парламентские выборы, которые состоялись в июле. Нацисты вели свою кампанию под девизом «Вся власть Адольфу Гитлеру». Они утверждали, что только Гитлер способен предотвратить назревающий коммунистический переворот²⁸. И это сработало. Нацисты получили 37 % голосов и стали крупнейшей политической силой, хотя и не обладавшей никакими способностями к искусству формирования коалиций. Они не смогли найти партнеров для формирования правительства. Третий раунд выборов назначали на ноябрь.

На сей раз нацисты потерпели поражение и потеряли 34 места в рейхстаге. Началась долгая борьба за посты в правительстве. В конце концов, Папен разыграл настоящий дворцовый гамбит. Он убедил Гинденбурга сделать Гитлера канцлером, а сам смирился с понижением до вице-канцлера. Так он рассчитывал стать кукловодом своего неопытного соперника. Политическому союзнику Папен хвастливо говорил: «За два месяца мы задвинем Гитлера так далеко в угол, что ему останется только визжать»²⁹.

Восьмидесятипятилетний Пауль фон Гинденбург принял присягу канцлера Адольфа Гитлера в полдень 30 января 1933 года. Новый канцлер поклялся «приложить все свои силы к обеспечению благополучия немецкого народа, защищать конституцию и законы немецкого народа... обеспечить справедливость и правосудие для всех»³⁰.

В тот вечер по улицам Берлина прошло факельное шествие, во главе которого с каменными лицами шли штурмовики СА. Руки взметнулись в римском салюте – «Хайль, Гитлер!» Так наступило будущее.

Во время Первой мировой войны трое старших сыновей Паулы и Карла Бонхёффер были призваны в армию. Представить себе, что второй сын, Вальтер, возьмет в руки оружие, было невозможно, однако в восемнадцать лет он отправился на фронт. В апреле 1918 года, прослужив всего месяц, он получил ранение во время артобстрела³¹. «Сегодня мне сделали вторую операцию, – писал он родителям из полевого госпиталя. – Но в мире есть много гораздо более интересного, чем моя рана». Через три часа он умер. Паула несколько недель провела в постели, не в силах справиться с горем. Ее муж, который всегда описывал семейные события в дневнике, после гибели Вальтера еще десять лет не мог взяться за записи.

Бонхёфферы боялись, что трагедия повторится. Вся семья испытывала отвращение к Гитлеру не только из-за его политики, но и из-за постоянных угроз нарушить мир в Европе. Меж тем, когда в конце июня 1931 года Дитрих вернулся в Берлин, эти угрозы становились все реальнее.

Пока Гитлер занимался консолидацией власти, Бонхёффер приступил к работе, о которой мечтал всю жизнь. Технический колледж Берлина пригласил его на должность студенческого пастора. В ноябре он наконец-то был посвящен в сан. Через два месяца он начал преподавать в Берлинском университете. На основе своих лекций по Книге Бытия Бонхёффер написал книгу «Творение и падение», в которой среди прочего отметил: «В Библии есть только две истории искушения: искушение первого человека и искушение Христа... Либо искушается

²⁸ *Chicago Daily News*. 30 июля 1932 года.

²⁹ Turner, *Hitler's Thirty Days to Power*. С. 147.

³⁰ Цит. по URL: www.historyplace.com/worldwar2/riseofhitler/named.htm.

³¹ Zimmermann et al., *I Knew Dietrich Bonhoeffer*. С. 30.

Адам во мне – и тогда падение ждет нас. Либо искушается Христос во всех нас – и тогда на падение обречен Сатана».

Пастор Бонхёффер никогда не испытывал искушения заигрывать с нацистами. Он совершил один из первых публичных актов сопротивления новому режиму. Через два дня после инаугурации Гитлера Дитрих Бонхёффер в 17:45 подошел к микрофону – пятнадцать минут он в прямом эфире выступал в программе «Берлинский радиочас». Эта передача выходила каждую неделю и была посвящена немецкой молодежи.

Другие ораторы говорили о сельской молодежи или о том, чем сегодняшние студенты отличаются от своих предшественников. Бонхёффер выбрал более весомую тему: «Изменившееся представление о фюрере у молодого поколения»³². Свое выступление он закончил почти прямым намеком на Гитлера. «Если тот, кто обладает огромной властью, подчинится желаниям своих последователей, которые всегда стремятся сделать из него кумира, образ вождя постепенно превратится в образ вождя, вводящего в заблуждение, – предостерегал Бонхёффер. – Вожди, которые мнят себя богами, насмеются над Богом»³³. Это были мудрые и смелые слова. Но никто их не услышал. Когда Бонхёффер подошел к кульминации своего выступления, звук отключили. Сначала священник решил, что это чьи-то происки, но оказалось, что он просто превысил отведенное ему время и у звукооператора не было выбора – он обязан был начать следующую программу³⁴. Твердо решив донести свои мысли до публики, Бонхёффер отправил текст радиовыступления в местную газету, где его и опубликовали³⁵.

В тот же зимний вечер в эфир вышел другой оратор. Канцлер Гитлер сделал свое выступление на удивление коротким и милым. Обращение к соотечественникам длилось всего 13,5 минуты. Он говорил, что безработицу следует сократить «за четыре года», что он был бы «счастлив, если бы мир, сокращая вооружения, сделал ненужным любое наращивание нашей военной мощи». Ни *sturm*. Ни *drang*. Ни бури. Ни натиска. Никаких военных барабанов³⁶.

«Вступив в должность, – писал журналист *The New York Times*, – господин Гитлер говорил гораздо более умеренно – и по тону, и по выбору слов, – чем в последние два года»³⁷.

Впрочем, в тот же день, до выступления на радио, Гитлер произнес более типичную для себя речь перед членами нацистской партии. Он заверил их, что разберется с намерением «убийц-коммунистов» разрушить зарождающийся Третий рейх. «Сохраняйте спокойствие! – призвал он своих сторонников. – Час разрушения этого ужаса придет!»³⁸

³² Детали радиовыступлений см.: *DBWE*, 12:268n.

³³ Существует несколько переводов всех трудов и выступлений Бонхёффера. Я использовал переводы из книги Bonhoeffer, *No Rusty Swords*. С. 202, 204. См. также: *DBWE*, 12:257, 259–260.

³⁴ *DBWE*, 8:247.

³⁵ Речь Бонхёффера была опубликована в местной газете *Kreuz Zeitung* 26 февраля 1933 года. См.: Hoffmann, *Behind Valkyrie*. 19n. См. также: Bethge, *Dietrich Bonhoeffer*. С. 260; Marsh, *Strange Glory*. С. 160, где утверждается, что слова пастора напечатали в нацистской газете *Der Angriff*.

³⁶ Полный текст речи Гитлера опубликован в газете *Völkischer Beobachter*, 2 февраля 1933 года. Я использовал английский перевод: Noakes and Pridham, *Nazism*, 1919–1945. С. 131–134.

³⁷ Guido Enderis, «Cabinet Made the Issue, Hitler Moderate on Air». *New York Times*. 2 февраля 1933 года.

³⁸ Текст из «Собрания выступлений Гитлера, 1922–1945». URL: www.nommeraadio.ee/meedia/pdf/RRS/Adolf%20Hitler%20-%20Collection%20of%20Speeches%20-%20201922-1945.pdf.

3

Шум и ярость

Генри Форд продолжал работать, несмотря на то что его состояние оценивалось примерно в сто миллионов долларов США. Среди прочего президент Ford Motor Company занимался газетным бизнесом. Страницы газеты *Dearborn (Michigan) Independent* стали его рупором. В начале 1920-х он решил отказаться от анонимности и выпустил сборник статей о политике и культуре под собственным именем. Четырехтомный труд носил название «Международное еврейство. Важнейшая проблема мира». Адольф Гитлер держал на столе в приемной стопку этих книг для интересующихся³⁹. Это был настоящий Генри Форд, без тормозов. Главы назывались по-разному: «Как действует международная еврейская денежная сила», «Евреи – помощники Бенедикта Арнольда⁴⁰». Глава 47 третьего тома называлась «Еврейский джаз становится нашей национальной музыкой». Эта музыка явно была не по душе любителю стиля кантри со Среднего Запада.

«Популярная музыка – монополия евреев. Джаз – еврейское творение, – негодовал Форд. – Обезьяньи крики, визг джунглей, ворчание, писк и вздохи пещерной любви маскируются несколькими лихорадочными нотами... Неудивительно, что, где бы ни обнаружилось пагубное влияние на общество, везде находишь группу евреев!»⁴¹

О, кстати: безумные танцы под джазовую музыку, типа чарльстона, ведут к беспорядочным половым связям⁴².

Обезьяньи крики? Пещерная любовь? Ошеломленный нападками Форда Юлиан Фус, невысокий худощавый очкарик, пианист, деливший время между Соединенными Штатами и родной Германией, в 1927 году приехал в берлинскую студию вместе со своим небольшим оркестром и записал инструментальную вещь *Let's All Henry Ford*. Пьеса была написана в стиле свингующего чарльстона со странными элементами кантри, скрипичными риффами и завываниями труб. Название пьесы перекликалось с названием джазового хита *Let's All Go to Mary's House*, очень модного несколькими годами ранее.

Информационное и новостное агентство *Associated Press* называло Фуса «королем берлинского джаза». Он стал первым немецким джазменом, сыгравшим «Рапсодию в стиле блюз» американского джазового композитора Джорджа Гершвина. У него были и другие записи, в том числе *Bananas' Skin Stomp* и *Auf Wiedersehen, Herr Doktor*⁴³. В интервью канадской газете Фус говорил, что поначалу немцы считали эту энергичную, не подчиняющуюся строгим правилам музыку «слишком шумной». Но со временем отношение изменилось.

«Сегодня джаз слушают все – за исключением некоторых национал-социалистических ворчунов, которым все еще хочется вернуть венские вальсы, чего, конечно же, никогда не будет».

Германия находилась на грани политических и социальных перемен. Гитлер умело сочетал харизму культа личности с ностальгической ксенофобией. Если перейти на музыкальные

³⁹ «Berlin Hears Ford Is Backing Hitler». *New York Times*. 20 декабря 1922 года.

⁴⁰ Бенедикт Арнольд (1741–1801) – генерал-майор, участник Войны за независимость США. Прославился в боях американских колонистов, однако впоследствии перешел на сторону Великобритании.

⁴¹ «Jews and Jazz» в Ford H., *The International Jew: The World's Foremost Problem*. Dearborn Publishing Company, 1920–....

⁴² Richard A. Petersen, *Creating Country Music: Fabricating Authenticity*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. С. 60.

⁴³ О Фусе и джазе см. URL: <https://grammophon-platten.de/page.php?478.0> и URL: <https://grammophon-platten.de/page.php?478.1>. Также см.: *Associated Press*, «Jazz King». 9 декабря 1927 года.

термины, его форте⁴⁴представляло собой строго регламентированный венский вальс авторитаризма – полную противоположность свободному и раскованному джазу многопартийной демократии. Штурмовики и эсэсовцы не теряли времени. Они ясно давали понять обществу, что приход к власти Гитлера знаменует рассвет новой, более мускулистой Германии.

А Фус тем временем обосновался в Берлине. Вместе с женой Лили он приобрел ночной клуб, где и сам порой играл на пианино. Вскоре ставший популярным клуб «У Юлиана Фуса» располагался в западной части города, по соседству с отелем «Эдем». Здесь с удовольствием собирались художники, актеры и журналисты. Одним мартовским вечером 1933 года в клуб пришли два штурмовика и набросились на Фуса. Они обзывали его «грязным евреем» и «подонком» и обвиняли в том, что он якобы не вернул долг кредитору. Конечно же, это была ложь. Лили вызвала полицию, и штурмовиков выгнали.

Через две с половиной недели уже шестеро молодчиков (четверо из них – штурмовики) вломились в клуб в пять утра и потребовали выпивку⁴⁵. Фус объяснил, что после трех часов ночи спиртное подают только членам клуба. Это совсем не обрадовало незваных гостей. Двое принялись избивать Фуса с криками «грязный еврей». Фус был весь в крови. Один штурмовик навел на работников клуба пистолет, а другой четырежды выстрелил в стены и потолок. Разбушевавшихся молодчиков вновь пришлось успокаивать с помощью полиции.

Король берлинского джаза действительно был евреем – и в Германии он больше не чувствовал себя в безопасности.

В юности Фус ездил к родственникам в Нью-Йорк. Америка так ему понравилась, что он остался там на несколько лет и в 1916 году получил американское гражданство. Во время Первой мировой войны его даже призвали в армию, но в боевых действиях он не участвовал. Уже тогда Германия находилась на грани безумия, и двойное гражданство стало для него настоящим спасением.

Оправившись после того избиения, Юлиан Фус закрыл свой клуб и в 1934 году вернулся в Нью-Йорк, не имея ни малейшего желания возвращаться в Берлин.

Франц фон Папен просчитался. Адольф Гитлер, став канцлером, «визжать» не собирался. У него были другие планы. Он воплотил их в жизнь всего за месяц. 27 февраля 1933 года около девяти часов вечера вспыхнуло величественное здание Рейхстага. Спасти его было невозможно. На месте пожара полиция арестовала молодого безработного каменщика, нидерландского коммуниста Маринуса ван дер Люббе. Гитлер объявил пожар «знаменем Божиим» и сообщил, что поджог, совершенный ван дер Люббе, был частью коммунистического заговора. Лидеры Германской коммунистической партии заявили, что они к этому непричастны, а ван дер Люббе – орудие нацистов. Именно нацисты, утверждала немецкая компартия, заставили юношу поджечь Рейхстаг – так они хотели оправдать истребление своих политических соперников.

Что до ван дер Люббе, он утверждал, что действовал в одиночку. Сомнений в его виновности не было, его осудили и обезглавили. Также арестовали трех болгарских коммунистов, впрочем, за неимением доказательств их вскоре освободили.

Германский парламент обосновался в здании Кроль-оперы – отличная сцена для вагнерианской драмы нацистской политики. Разъяренный тем, что болгарам удалось избежать нака-

⁴⁴ Форте (*итал.* forte) – громко. В музыке форте обозначает необходимость играть фрагмент выразительно, напористо, сильно.

⁴⁵ Первое нападение на Фуса произошло 11 марта 1933 года. Он подал жалобу в американское консульство в тот же день. См.: NARA: RG 59, 250/30/7/5, box 6782, file 862.4016/156. Инцидент упоминается в газете *New York Times* от 14 марта 1933 года. См. также депешу Мессерсмита Корделлу Халлу от 11 марта 1933 года и запись в блоге *Grammophon-platte.de*. Второе нападение произошло 29 марта. См.: NARA: RG 59, 250/30/7/5, box 6782, file 862.4016/569; депешу Мессерсмита Корделлу Халлу от 31 марта 1933 года, 2. См. также: «Berlin Jails Nazis Who Hit American». *New York Times*. 15 октября 1933 года.

зания, Гитлер твердо решил, что отныне все процессы о государственной измене будет рассматривать «народный суд», *Volksgerichtshof*. Канцлер использовал поджог Рейхстага, чтобы убедить Гинденбурга в необходимости якобы временных ограничений гражданских свобод. Так, была отменена свобода прессы, свобода собраний, свобода слова, неприкосновенность личности и право на приватность телеграфного и телефонного сообщения.

Эти меры стали всего лишь прелюдией к принятию закона о чрезвычайных полномочиях, подписанного уже 23 марта 1933 года. Рейхстаг во всех смыслах признал свое бесправие, предоставив Гитлеру практически неограниченные полномочия. Все стороны жизни были пересмотрены в соответствии с видением мира этого уже совсем не комического персонажа. Согласно «арийскому параграфу» закона о чрезвычайных полномочиях, на государственную службу отныне принимали только людей чистейшего арийского происхождения – в результате тысячи евреев мгновенно лишились работы. Это называлось выравниванием, *Gleichsaltung*: синхронизация всех сторон немецкой жизни, превращение страны в единое сердце нацизма. Новая политика затронула и культуру. Появился безобразный унижительный термин «негритянско-еврейский джаз». Отныне джаз считался декадентской и противоречащей арийским ценностям музыкой⁴⁶. В кафе и танц-холлах появились таблички «Свинг запрещен» – это стало первым шагом к полному отказу от «декадентщины».

Джазмен Юлиан Фус был не единственным.

Уже в первые дни Третьего рейха сторонники нацистов нападали на евреев и других «врагов государства» практически повсеместно. Всего за два месяца правления Гитлера евреи, имевшие паспорта других государств, подали в свои посольства в Берлине 150 жалоб на насилие⁴⁷. До 600 тысяч евреев – граждан Германии – никому не было дела. Они стали самой легкой добычей. Искать помощи было бесполезно – полиция не торопилась реагировать на жалобы «ублюдков». Рядовые немецкие граждане все видели и слышали – страна наполнилась слухами.

13 марта 1933 года банда штурмовиков похитила Макса Ноймана, одного из владельцев семейного универмага в Кёнигсберге, столице Восточной Пруссии. Кёнигсберг находился в шестистах с небольшим километрах к северо-востоку от Берлина. Ноймана жестоко избили, магазин разграбили. Через три дня Нойман скончался от травм.

Двадцать первого марта сорокапятилетний доктор Арно Филиппшталь, еврей и убежденный социалист, принимал в своем берлинском кабинете пациентку – члена нацистской партии. В качестве лечения он прописал ей масло печени трески, но она отказалась его принимать. Тогда доктор в шутку предложил: «Может быть, вам стоит прочесть “Отче наш” или спеть “Песню Хорста Весселя”⁴⁸».

Через два часа штурмовики выволокли Филиппшталь из кабинета, затолкали в машину и отвезли в свои казармы, где целую неделю зверски его избивали. В конце концов он оказался в муниципальной больнице. В истории болезни было записано, что он поступил «в тяжелом состоянии». Филиппшталь впал в кому и через пять дней скончался.

Артур Вайнер был адвокатом и занимал видное место в еврейской общине промышленного города Хемниц в 250 километрах к югу от Берлина. Штурмовики арестовали его в соб-

⁴⁶ Michael H. Krater, «Forbidden Fruit: Jazz in the Third Reich». *American Historical Review* 94 (February 1989): 15. См. также: Larson, *In the Garden of the Beasts*, 121. На русском языке см.: Ларсон Э. *В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине*. М.: Альпина Паблшер, 2022.

⁴⁷ О нападениях на евреев см.: Frederick Birchall, «Boycott at an End, Germany Believes». *New York Times*. 2 апреля 1933 года; Dorothy Thompson, «Nazi Murder – Torture Reign Leaves Bloody Hospital Trail». *Jewish Daily Bulletin*. 7 мая 1933 года (первая статья из цикла); Wildt, *Hitler's Volksgemeinschaft and the Dynamics of Racial Exclusion*. С. 79–81; Siemens, *Stormtroopers*. С. 136.

⁴⁸ «Песня Хорста Весселя» (*нем.* Horst-Wessel-Lied) – политическая песня, сочиненная нацистским активистом Хорстом-Людвигом Весселем. В ней воспевается Национал-социалистическая партия и новый мировой порядок, который она установит. В 1930 году, после смерти Весселя (он был ранен якобы членами коммунистической боевой организации «Рот Фронт» и отказался принимать помощь от врача-еврея), национал-социалисты сделали «Песню» своим гимном.

ственной квартире 10 апреля. Через два дня тело Вайнера нашли в песчаном карьере в 72 километрах от города. Его убили выстрелом в голову.

Во внутреннем отчете полиции Хемница перечислен тридцать один случай пыток, совершенных штурмовиками в этом городе с апреля до середины июля. Среди жертв были евреи, однако в первую очередь преследованию подвергались члены профсоюзов, социал-демократы и коммунисты. Вот что говорилось в отчете:

Если задержанный не говорил того, что хотел узнать допрашивающий его член СА, штурмовики избивали его резиновыми дубинками и другими предметами. Такая пытка в ходе допроса повторялась несколько раз. Жертв связывали, раздевали догола и избивали до потери сознания... Им втыкали в ягодицы раскаленные железные пруты, а на ночь помещали в ящики, где тем приходилось сворачиваться, словно змеям... Раны засыпали перцем, а потом промывали уксусом.

Семеро человек из тридцати одного скончались от пыток.

Американская журналистка Дороти Томпсон провела журналистское расследование и написала ряд статей для нью-йоркской газеты *Jewish Daily Bulletin*. Опубликованные в мае и июне 1933 года, они вызвали большую шумиху в Германии и за рубежом. Томпсон выросла в Нью-Йорке, но в 1920 году переехала в Европу, долгое время жила в Вене и Берлине. Она успела выйти замуж и развестись с венгерским писателем, имела длительные лесбийские отношения с немецкой художницей, писала о европейской политике для филадельфийской газеты *Public Leader*, возглавляла берлинское бюро *New York Post*. В 1928 году она вышла замуж за американского писателя Синклера Льюиса и, как сказали бы тогда, остепенилась. Семья жила в Нью-Йорке и Вермонте.

У Дороти Томпсон было множество стильных шляп, дерзкие манеры и неустрашимая преданность профессии. Запугать ее было невозможно. Говоря журналистским сленгом того времени, она была настоящей «акулой пера». В *Jewish Daily Bulletin* она писала, что после выборов в Германии развернулась настоящая кампания насилия, в ходе которой «сотни» людей погибли, а «десятки тысяч» были арестованы.

В мюнхенской газете *Völkischer Beobachter*, или «Народный наблюдатель», которая долгое время была главным рупором нацистской партии, писали об апрельском рейде в одном из кварталов Берлина. Более 120 штурмовиков и полицейских устроили облаву в квартале, населенном преимущественно польскими евреями. По словам немецкого журналиста, все прошло «тихо и спокойно». Томпсон рассказала об этих событиях совершенно иначе. Она писала, что штурмовики ворвались в синагогу, уничтожили свитки Торы, остригли бороды ортодоксальным евреям и жестоко избивали всех, кто попался им под руку.

Адрес одной из жертв Томпсон получила от своих друзей в польском консульстве. Вместе с Эдгаром Маурером, берлинским корреспондентом *Chicago Daily News*, она отправилась по этому адресу. Журналисты поднялись по лестнице и постучали в дверь квартиры. Дверь со скрипом отворилась.

- Кто вы? – шепотом спросила женщина.
- Иностранцы журналисты.
- Убирайтесь! – и дверь захлопнулась.

Томпсон не отступала. Наконец женщина смягчилась и впустила незваных гостей. Она сказала, что им нужно поговорить с ее мужем, но того пока нет дома. Они разговаривали. Через некоторое время в гостиную, шаркая ногами, вошел мужчина в больничном халате – муж той женщины.

– В польском консульстве нам сказали, что с вами произошло несчастье, – обратилась к нему Томпсон. – Мы никому не расскажем, что вы нам рассказали.

– Я *ничего* вам не расскажу, – отрезал мужчина, – но польский консул сказал вам правду. Он распахнул халат – все его тело было забинтовано, от колен до шеи.

– Я *ничего* вам не скажу, – повторил мужчина⁴⁹.

В начале поездки Томпсон отправила письмо Льюису. Ей хотелось поделиться с мужем, свидетелем чего она стала в Германии. «Все действительно так плохо, как пишут в самых сенсационных статьях... Это настоящий взрыв садистской и почти патологической ненависти, – писала она. – Больше всего меня поражает не столько беззащитность либералов, сколько их невыносимая (для меня) покорность. Здесь нет мучеников во имя демократии»⁵⁰.

Любопытно, что в другом письме, которое Томпсон примерно в то же время отправила своей лондонской подруге Харриет Коэн, концертирующей пианистке, спутнице овдовевшего британского премьер-министра Рамсея Макдональда, она высказывалась более откровенно. Возможно, журналистка надеялась, что подруга покажет письмо премьер-министру, убежденному пацифисту. Томпсон писала, что штурмовики Гитлера «с безумным азартом» преследуют евреев и других «врагов государства». «Они избивают их железными прутами, выбивают им зубы рукоятками револьверов, ломают им руки... мочатся на них, заставляют стоять на коленях и целовать *Hakenkreuz* [нацистскую свастику]... Я чувствую, что начинаю ненавидеть Германию. Мир напрочь прогнил от ненависти»⁵¹.

В конце марта 1933 года генерал Герман Геринг встретился в Берлине с иностранными журналистами. Корпулентный жизнерадостный Геринг исполнял в правительстве обязанности «министра без портфеля». Он подтвердил, что после выборов имели место печальные инциденты с жертвами – поразительное признание. Впрочем, быстро исправился – добавил, что «отдельные акты беззакония» были «незначительными» и в подобных обстоятельствах избежать подобного невозможно. «Лес рубят – щепки летят, – сказал он, прежде чем перейти к традиционным разглагольствованиям. – В ходе национальной революции жертв было не больше, чем в несчастной Германии во время междоусобного конфликта»⁵².

Изменения вихрем неслись по стране. Первого апреля прошел однодневный бойкот еврейских магазинов и компаний. На витринах многих магазинов появились наклейки: ярко-желтый круг на черном фоне (международный символ карантина). На других витринах штурмовики красной или белой краской написали «Жид»⁵³. Сторонники нацистов вышли на улицы с плакатами «Немцы, защищайтесь!», «Нет покупкам в еврейских магазинах!». Бойкот стал символической демонстрацией силы. Поддерживать еврейские фирмы и магазины пока не запрещалось, но как писали в *Völkischer Beobachter*, «евреям нужно, понять, что мы больше не намерены торговаться с ними. Мы нанесем удар в самое больное место – по их кошелькам».

Почти все евреи поняли, что происходит. Им было запрещено заниматься рядом профессий, снимать крупные суммы с их же собственных счетов. Они даже страну покинуть не могли – правительство отказывалось выдавать паспорта. «Среди евреев царит страшное отчаяние, –

⁴⁹ Thompson, «Nazi Murder – Torture Reign Leaves Bloody Hospital Trail».

⁵⁰ Tippelskirch, *Thompson and German Writers*. С. 173. Письмо Томпсон датировано 13 марта 1933 года. Оно написано во время поездки в Вену к Кристе Уинслоу. В Германию Томпсон вернулась в начале марта, а уже 7 мая, еще до публикации первой статьи, уехала.

⁵¹ Nagorski, *Hitlerland*. С. 106. На русском языке см.: Нагорски Э. *Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов*. М.: Эксмо, 2023.

⁵² Frederick Birschall, «Boycott at an End, Germany Believes». *New York Times*. 2 апреля 1933 года.

⁵³ Служебная записка Джорджа Мессерсмита Корделлу Халлу, 3 апреля 1933 года, Dispatch No. 1216.

писала британская газета *Manchester Guardian*. – Им не разрешают ни жить в Германии, ни покинуть ее»⁵⁴.

В мае запылали костры из книг. Во всех немецких университетах прошли настоящие митинги. В Берлине около сорока тысяч нацистов собрались на площади перед оперным театром, чтобы разжечь костер, достойный погребальных костров викингов. Пламя взвивалось в ночное небо. Оркестр играл военные марши. Студент в нацистской форме обратился к толпе с требованием сжечь все «негерманские» книги, прежде чем они успеют пагубно повлиять на неокрепшие умы⁵⁵.

Пламя пожрало книги Зигмунда Фрейда. Кто-то крикнул: «Он фальсифицировал нашу историю и унижил величайших исторических деятелей!» За Фрейдом последовал пацифистский роман Эриха-Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» – за «унижение немецкого языка и высочайших идеалов патриотизма». Книги сгружали в огонь грузовиками. Томас Манн... Карл Маркс... Американский писатель Эптон Синклер... Гуго Преисс – а ведь этот человек написал Конституцию Веймарской республики.

Из тени выступил мелкий, прихрамывающий человек, министр пропаганды Йозеф Геббельс. Он обратился к толпе: «Еврейский интеллектуализм мертв. Национал-социализм проложит свой путь. Душа немецкого народа найдет самовыражение... Прошлое сторит, а из пламени наших сердец возникнет новое!»⁵⁶

Нацисты устраивали митинги и бойкоты, они сжигали книги, а мир наблюдал и выжидал. Неужели Гитлер действительно задумал все то, о чем говорил до избрания на пост канцлера? Неужели он начнет действовать – или ответственность нового поста умерит его пыл?

У немецкой прессы не было выбора – журналистам приходилось благожелательно освещать деятельность нового правительства. Их иностранные коллеги не испытывали давления государственной цензуры, а потому высказывались о нацистах совершенно откровенно. Дороти Томпсон, Эдгар Маурер и другие писали жесткие статьи, но на каждую из них находилась ответ репортера, например *Christian Science Monitor*, который считал, что Гитлер принес «в темные земли яркий факел надежды» и «лишь малая доля» евреев страдают от этого важного процесса.

В июле 1933 года Анна О'Хейр Маккормик, энергичный репортер *The New York Times*, получила редкую возможность взять у Гитлера интервью прямо в Рейхсканцелярии. Змей ее очаровал. «Диктатор Германии – скромный и простой человек, – писала Маккормик на первой полосе газеты. – Голос его так же скромен, как и его черный галстук, глаза смотрят открыто, с детским любопытством». Для самых интересующихся читателей журналистка добавляла: у Гитлера «чуткие руки художника»⁵⁷.

Гитлер заверил американскую журналистку, что главная его задача – разработать «программу общественных работ», «перерезать красную ленту» и создать сильную национальную идентичность немцев. К сожалению, рейхстаг стал на пути его реформ, поэтому «он исчез». То же относилось и к оппозиционным политическим партиям.

В ответ на «фантастические» обвинения в жестоких преследованиях политических противников и евреев Гитлер заявил, что нацистский переворот прошел исключительно мирно, «без битья стекол».

Все это было откровенным враньем, но машина нацистской пропаганды усердно рождала такую ложь, а общество замерло в испуганном молчании. Отныне распространение «инфор-

⁵⁴ *Manchester Guardian*. 8 апреля 1933 года.

⁵⁵ О сжигании книг см.: Frederick Birchall, «Nazi Book – Burning Fails to Stir Berlin». *New York Times*. 11 мая 1933 года.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *New York Times*. 10 июля 1933 года.

мации, губительной для Германии» считалось преступлением, и суровое наказание следовало незамедлительно. Двадцатипятилетнюю машинистку компании «Кодак» в Берлине Эдит Хаммершлаг приговорили к полутора годам заключения – она сказала коллегам, что слышала о евреях, которым нацисты вырезали глаза⁵⁸. Моряк с торгового судна из Бруклина, Торстен Джонсон, получил полгода заключения. Во время стоянки в Штеттине он выпивал на берегу и во всеуслышание заявил, что Гитлер – «чехословацкий еврей»⁵⁹.

Иностранные правительства занимали умеренную позицию, стремясь избежать конфронтации. Иные действия могли «нарушить дружеские чувства» между государствами и народами, как деликатно выразился госсекретарь США Корделл Халл в меморандуме, обращенном к американским дипломатам в Германии⁶⁰. Частные разговоры были пронизаны страхом и смятением. Через два дня после апрельского бойкота еврейских магазинов генеральный консул США в Берлине Джордж Мессерсмит написал Халлу об усилении репрессий в Германии. «Ситуация складывается таким образом, что рядовому гражданину опасно высказывать неблагоприятное мнение о существующем режиме. Даже в общении с лучшими друзьями рядовые немцы не могут свободно выразить свою точку зрения»⁶¹.

⁵⁸ *Berliner Morgenpost*. 13 апреля 1933 года; *Jewish Daily Bulletin*. 16 апреля 1933 года.

⁵⁹ Службная записка Джорджа Мессерсмита Корделлу Халлу, Doc. No. 1515, 18 августа 1933 года.

⁶⁰ Цит. по: Rafael Medoff, «The American Papers That Praised Hitler». *Daily Beast*. 20 декабря 2015 года.

⁶¹ Службная записка Джорджа Мессерсмита Корделлу Халлу. 3 апреля 1933 года, Dispatch No. 1216.

4

Церковь и лишение гражданства

В апреле 1933 года Сабина Бонхёффер и ее муж, Герхард Лейбхольц, профессор юридического факультета Гёттингенского университета, чье положение в силу «арийского параграфа» оказалось под угрозой, попросили Дитриха провести похоронную службу по отцу Герхарда. Он был обращенным евреем, детей воспитывал в протестантском духе, но крещен не был. И по нацистскому расовому закону, и по правилам лютеранской церкви (для отпевания требовалось доказательство крещения), Лейбхольц-старший не имел права на христианское погребение⁶².

Пастор церкви Бонхёффер советовал не проводить службу. Несмотря на желание родных, он подчинился – и вскоре написал письмо сестре и зятю, в котором горько сожалел о своем решении: «Как мог я так сильно бояться в наше-то время?.. Все, о чем я могу просить, так это только о том, чтобы вы простили мою слабость».

Терзался не один Бонхёффер. Церковные власти также столкнулись со сложными институционными дилеммами. Как сосуществовать с нацистами? Около 30 % немцев были католиками. Через шесть месяцев после прихода Гитлера к власти Папа Римский Пий XII, который в молодости был послом Ватикана в Германии, обсудил с правительством договор о взаимном невмешательстве в дела друг друга – «Конкордат». Протестантов в Германии насчитывалось 45 миллионов, и динамика отношений была более сложной. Протестанты относились к нескольким десяткам относительно самостоятельных церквей – от лютеранской до евангелической церкви Старопрусской Унии. Эти церкви довольно условно объединялись под эгидой Немецкой евангелической церкви, которую чаще называли Немецкой протестантской церковью.

Протестантский блок являл собой потенциально довольно мощного противника нацистской партии, и нацисты активно стремились проникнуть в Протестантскую церковь. Партию поддерживала группа «Немецкие христиане», которая выступали за учреждение контролируемой государством Немецкой протестантской национальной церкви (Reichskirche). На митингах скандировали лозунг «Один народ! Один Бог! Один Рейх! Одна Церковь!». Некоторые заходили еще дальше – предлагали исключить Ветхий Завет из Библии, поскольку там слишком много историй мерзких евреев.

Правительство начало подталкивать священников и конгрегации к принятию «арийского параграфа» об этническом очищении. Такое вторжение в церковные дела возмутило многих лютеранских активистов, которые объединились вокруг консервативного теолога Карла Барта из Университета Бонна и протестантского богослова Мартина Нимёллера. Во время Первой мировой войны Нимёллер был командиром подводной лодки, затем пережил духовное просветление и к этому времени уже стал пастором церкви Святой Анны в берлинском пригороде Далем. Эти диссиденты называли себя «Движением молодых реформаторов за обновление Церкви». В одном из первых публичных заявлений они категорически отказались исключать неарийцев из лона Церкви, заявив: «Государство призвано судить; дело же Церкви – спасти».

Дитрих Бонхёффер стал одним из молодых реформаторов. Он глубоко осмыслил конфликт между Церковью и государством в своей весьма острой статье «Церковь и еврейский вопрос». Статья получила широкое распространение в пасторских кругах и в июне 1933 года

⁶² Биографические сведения о Бонхёффере, приведенные в этой главе, если не упомянуто иное, взяты из книг Bethge, Dietrich Bonhoeffer; Marsh, *Strange Glory*. Цитаты Бонхёффера из *DBWE*, т. 2, 12, 13.

была опубликована в протестантском журнале о политике и культуре *Vormarsch* («Прорыв»). Подобный шаг, конечно же, привлёк внимание нацистских бюрократов⁶³.

В своей статье Бонхёффер повторил некоторые христианские догмы, оскорбительные для евреев: например, что после смерти им придется выбирать – либо принять Иисуса как Спасителя и попасть на Небеса, либо вечно гнить в аду с другими еретиками. И все же он высказал совершенно новую точку зрения – осудил преследование евреев нацистами и напомнил христианам, что вера требует противодействия подобной несправедливости. Если невозможно остановить локомотив государственных репрессий обычными способами, Церковь обязана «не только помогать жертвам, попавшим под его колеса, но и ставить палки в эти колеса»⁶⁴.

Нельзя сказать, что его статья поменяла мировоззрение многих из тех, кто служил на теологическом факультете Берлинского университета. Бонхёффер, не веря своим глазам, смотрел, как студенты и преподаватели начинают носить на рубашках и пиджаках булавки со свастикой. Одному из друзей по Объединенной теологической семинарии он говорил: «Самые разумные люди полностью потеряли и голову, и Библию».

В середине июля 1933 года Гитлер приказал Немецкой протестантской церкви в течение десяти дней провести выборы всех местных и региональных советов. Это была откровенная попытка обеспечить поддержку церковного руководства. Выборы оказались столь же яростными, как и политическая кампания, – в определенном смысле это и была политическая кампания. Группа молодых реформаторов обосновалась в Далеме. Однажды вечером в церковь пришли агенты гестапо и конфисковали все предвыборные материалы. На следующий день Бонхёффер и почтенный Герхард Якоби отправились в штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и подали жалобу первому руководителю гестапо Рудольфу Дильсу. Некоторые конфискованные материалы были возвращены. Дильс предупредил пасторов, чтобы они не поднимали шума, если не хотят оказаться в Дахау. В этот концлагерь, недавно созданный неподалеку от Мюнхена, отправляли всех политических оппонентов режима.

Накануне церковных выборов Гитлер выступил по радио и призвал слушателей голосовать за кандидатов от «немецких христиан, которые твердо стоят на позициях национал-социалистического государства». Выборы были назначены на воскресенье. Бонхёффер все еще являлся капелланом Технического колледжа Берлина. Для утренней проповеди он избрал слова из Евангелия от Матфея о камне, на котором Иисус основал свою Церковь.

«Нам будет непросто, – сказал прихожанам пастор Бонхёффер. – Возможно, с человеческой точки зрения, великие времена для Церкви – это времена разрушений».

Возможно, Бонхёффер чувствовал, что грядет. «Немецкие христиане» подвергали ожесточенной критике лютеранских умеренных и реформаторов и получили подавляющее большинство практически во всех церковных советах – до 70 %. Конечно, без фальсификаций не обошлось, но влияние гитлеровской пропаганды бесспорно. Голосование оказалось таким катастрофическим, что с Движением молодых реформаторов за обновление Церкви было покончено. Вместо него Нимёллер, Бонхёффер и еще порядка двадцати их единомышленников создали Чрезвычайную пасторскую лигу по сопротивлению гитлеризму. Так они надеялись противостоять слиянию Протестантской церкви с нацистской партией⁶⁵.

Разочарованный результатами выборов Бонхёффер сменил приоритеты и сосредоточился на экуменической деятельности. Несколько лет он путешествовал по Европе и принимал участие в разнообразных симпозиумах, в том числе в Конференции молодежной комиссии международного отдела Всемирного союза за продвижение международного обмена через

⁶³ Schlingensiepen, *Dietrich Bonhoeffer*, 1906–1945. С. 125.

⁶⁴ Bonhoeffer, «The Church and the Jewish Question» в *No Rusty Swords*. С. 226.

⁶⁵ Schlingensiepen, *Dietrich Bonhoeffer*, 1906–1945. С. 137; Bethge, *Dietrich Bonhoeffer*. С. 309–311.

церкви. В сентябре 1933 года присутствовал на собрании Всемирного союза в Гранд-отеле в Софии. Ему удалось убедить делегатов принять резолюцию, осуждающую «государственные меры против евреев в Германии» и «арийский параграф» как противоречащий «Евангелию Иисуса Христа».

Софийская резолюция стала моральной победой, но весьма недолговечной. Через неделю представители Национальной протестантской церкви собрались в исторической замковой церкви Виттенберга, где погребен создатель протестантизма Мартин Лютер. Пастор Людвиг Мюллер, нацист из Восточной Пруссии, сторонник государственного контроля над Церковью, был избран лютеранским епископом – теперь он именовался «рейхс-епископом»⁶⁶.

Единственной хорошей для членов Чрезвычайной пасторской лиги новостью из Виттенберга стало известие о том, что Гитлер решил не заставлять священников принимать его «арийский параграф». Этот вопрос не стоил того шума, какой поднялся в международной прессе. Кроме того, Гитлер и без того породил в стране такой хаос, что Немецкая протестантская церковь более не представляла реальной политической угрозы.

В октябре Гитлер осмелел настолько, что вывел Германию из Лиги Наций – зловещий сигнал для международного сообщества. Через два дня Бонхёффер собрал чемоданы и вновь покинул континент. Ему предложили двухлетнее совместное пасторство в двух немецких лютеранских церквях в Лондоне. Бонхёффер сообщил рейхсепископу Мюллеру, что не станет проповедовать нацистские взгляды «Немецких христиан». Ему предложили подумать, но он отказался. Епископ ответил ему и другим непокорным пасторам: «Какие же вы сложные люди!»

Бонхёффер все острее чувствовал свой отрыв практически от всего немецкого народа. Перед отъездом в Лондон он отправил письмо своему наставнику Карлу Барту. Тот считал поездку в Лондон ошибкой, но Бонхёффер объяснил: «Настало время удалиться в пустыню».

⁶⁶ Биографию Мюллера см. URL: <http://somewereneighbors.ushmm.org/#/exhibitions/religious-leaders/un2973/related>.

5

Опасная ситуация

У Соединенных Штатов было десять консульств в Германии. Один из самых опытных американских дипломатов – сорокавосемилетний Раймонд Гейст – работал в Берлине с 1929 года. Он защитил докторскую диссертацию по философии в Гарварде, затем изучал английскую литературу в Колумбийском университете. Гейст свободно говорил на немецком, французском, итальянском, испанском и греческом, знал латынь и немного арабский. Он почти ежедневно взаимодействовал с государственной полицией гестапо, поскольку дипломатические кризисы следовали один за другим⁶⁷. Гейст был профессиональным «решалой»: когда американского джазового музыканта избили в его собственном ночном клубе или когда пьяный матрос из Бруклина оскорблял диктатора, Гейста будили среди ночи⁶⁸. Благодаря его вмешательству приговор Торстену Джонсону за неуважение к Адольфу Гитлеру сократили с шести месяцев до двух⁶⁹.

Гейст был холостяком и жил со старшей сестрой. В свободное время он часто ездил на велосипеде по Берлину, порой забираясь километров на восемьдесят от города⁷⁰. Крупный, мощный мужчина несся на велосипеде по дороге, обгоняя автомобили. Его вполне можно было принять за циркового медведя, вырвавшегося на свободу. Во время велосипедных и автомобильных поездок Гейст собирал важную информацию. Он заметил, что после избрания Гитлера в стране активно началось военное строительство – он насчитал не менее полусотни проектов: аэропорты, казармы, тренировочные площадки, установки противовоздушной обороны. В 1933–1934 годах Гейст не раз видел, как в полях и лесах тренируются штурмовики, явно готовясь к войне, как мальчишки из гитлерюгенда отрабатывают военные приемы в лесах, причем ими часто руководили военные. Среди прочего маршировать и метать гранаты учили мальчиков в возрасте 10–14 лет.

Как генеральный консул, Джордж Мессерсмит читал отчеты Гейста и других консулов в разных городах Германии. Его собственные служебные записки становились все более жесткими. «За малым исключением, люди, входящие в это правительство, обладают менталитетом, недоступным ни для моего, ни для вашего понимания, – писал он 26 июня 1933 года заместителю госсекретаря Уильяму Филлипсу. – Некоторые из них настоящие психопаты и в обычное время находились бы в лечебнице... Здесь происходит настоящая революция, и ситуация очень опасна»⁷¹.

Несмотря на сгущающийся над Германией мрак, Мессерсмит не верил, что Гитлер удержит власть. В середине ноября он писал госсекретарю Халлу о своем изумлении – как целая страна могла быть настолько «загипнотизирована и затерроризирована»? Как люди могут спокойно воспринимать безумный бред оголтелого нациста об уберменшах – эдаких арийских суперменах, сверхлюдях, которым суждено править миром? «Это движение, основанное на пропаганде, зрелищах и лжи. Совершенно невыносимо, чтобы шестьдесят пять миллионов немцев терпели его бесконечно»⁷².

⁶⁷ Детали биографии Гейста см.: «Our Troubleshooter in Berlin». *New York Times*. 22 июля 1939 года.

⁶⁸ MSS 0109 – George S. Messersmith Papers, Special Collections, University of Delaware Library, Newark; служебная записка Джорджа Мессерсмита Корнеллу Халлу, 31 марта 1933 года; дело Джонсона, см.: Dispatch No. 1515, 18 августа 1933 года.

⁶⁹ MSS 0109, Messersmith Papers. См. также: Geist, «Visit to Stettin». Запись от 21 августа 1933 года; Torsten Johnson to Berlin Consulate, 14 сентября 1933 года.

⁷⁰ Показания Гейста на Нюрнбергском процессе. 28 августа 1945 года. *NIMT*, Т. 4, Doc. 1759-PS. С. 289–306.

⁷¹ MSS 0109, Messersmith Papers. См. служебную записку Мессерсмита к Уильяму Филлипсу от 26 июня 1933 года.

⁷² Служебная записка Джорджа Мессерсмита Корнеллу Халлу, 17 ноября 1933 года, Dispatch No. 1747.

Возможно, это казалось столь «немыслимым», потому что терпеть приходилось другим. Как человек мог сопротивляться этой нацистской мании? Какую цену пришлось бы заплатить? Кому можно доверить свои секреты? И саму свою жизнь! Джорджу Мессерсмиту не приходилось задавать себе такие вопросы. Он мог покинуть Германию в любой момент по своей воле – и сделал это в апреле 1934 года, когда президент Франклин Рузвельт назначил его послом в Австрии. Мессерсмит сел в самолет и оставил гитлеровскую пропаганду, зрелища и ложь позади. Десятки миллионов немцев остались.

Одним из них был Гарольд Пёльхау.

Первого апреля 1933 года – в день общенационального бойкота евреев – Пёльхау вышел на новое место работы, в берлинскую тюрьму Тегель. Это была гражданская должность. Он был одним из девяти священников (семь протестантов, два католика), обеспечивавших духовные потребности заключенных, которые размещались в десятке помещений⁷³. Пастору Пёльхау было двадцать девять лет – худощавый рыжеволосый мужчина, ученик либерального богослова Пауля Тиллиха, который был консультантом его диссертации в Университете Франкфурта-на-Майне. Пёльхау вырос в семье консервативного лютеранского пастора, но его всегда волновали вопросы социальной справедливости. В Тегеле он проповедовал шестистам заключенных, содержащихся в суровых условиях. Полные порции мяса заключенные получали лишь три раза в год: на Пасху, Троицу и в Рождество. Религиозные службы разрешались, но скамьи в часовне были через каждые несколько футов разделены деревянными перегородками, так что заключенные даже во время службы оказывались в своеобразных камерах.

Надзиратели в целом относились к Пёльхау с симпатией. Заключенные могли выходить в сад, который он разбил на небольшом участке земли рядом с тюрьмой. Охранники не досматривали его вещи.

Через год, 17 апреля 1934 года, жизнь Гарольда Пёльхау изменилась. В тот день он должен был исповедовать приговоренного к смерти, которого никогда раньше не видел. Казнь должна была происходить в нескольких милях от Тегеля, в тюрьме Плётцензее – городском «центре» смертной казни⁷⁴. Казалось, Германия вернулась в Средние века. Заключенный и трое его подельников были приговорены к смерти за вооруженное ограбление и убийство⁷⁵. На рассвете заключенного вывели в тюремный двор. Представитель суда зачитал обвинительное заключение и приговор. Вперед выступили два помощника палача, одетые в черное. Они повалили приговоренного на землю так, чтобы его голова лежала на мясницкой колоде. Одним взмахом топора палач обезглавил несчастного – словно курицу на ферме. Пёльхау затошнило. Брызнувшая кровь попала на его одежду. «Отвечавший за казнь офицер пожалел меня, – позже вспоминал пастор, – и сказал, что я могу уходить».

Через два месяца после жуткого знакомства с самой мрачной стороной работы тюремного священника Пёльхау присутствовал при казни Ричарда Хеттига, двадцатишестилетнего коммуниста. По версии обвинения, он застрелил эсэсовца, впрочем, доказательства были весьма сомнительны⁷⁶. Пёльхау назвал эту казнь «юридическим убийством». Хеттиг стал первым немцем, приговоренным нацистами к смерти по политическим мотивам.

⁷³ Информация о тюрьме Тегель взята из электронной переписки и телефонных разговоров автора с Гарольдом Пёльхау-младшим; он же предоставил перевод воспоминаний Пёльхау *Die letzten Stunden* (1949, 1987); фотографии 1930-х размещены на сайте тюрьмы Тегель. URL: www.berlin.de/justizvollzug/anstalten/jva-tegel/die-anstalt/historie/artikel.1116698.php; см. также: Kruger, *Dr. Tegel*.

⁷⁴ Kruger, *Dr. Tegel*. С. 13.

⁷⁵ Телефонный разговор с Гарольдом Пёльхау-младшим 23 августа 2019 года. Он был консультантом переиздания мемуаров отца *Die letzten Stunden* (1987), с. 14–16. Имя заключенного указано как «Вилли К.».

⁷⁶ «Memory of Richard Huettig». *Berlin Association of Victims of the Nazi Regime website via Bewegung webpage*. URL: www.bewegung.taz.de/termine/gedenken-an-richard-huettig. См. также: сайт мемориала Плётцензее. URL: www.gdw-berlin.de/fileadmin/bilder/publikationen/publikationen_in_englischer_sprache/englisch-screen.pdf. Хеттиг был казнен 14 июня 1934 года.

Традиционно смертные приговоры в Германии выносили редко – два-три раза в год. А потом к власти пришел Гитлер. В 1933 году в Германии казнили 64 человека, в 1934-м – уже 79⁷⁷. Новый народный суд еще только входил во вкус. Чем больше было арестов и смертных приговоров, тем мрачнее становилась работа пастора Пёльхау. Он стал проводником смерти. Ему все чаще приходилось исповедовать и утешать обреченных на смерть. Он приходил в их камеры в тюрьме Тегель вечером накануне казни, разговаривал, молился, забирал прощальные письма. Но большая часть времени проходила в молчании. «Сколько еще осталось?» – спрашивал узник. Пастор смотрел на часы. Вопрос – часы. Вопрос – часы. На рассвете появлялся тюремный сапожник, который забирал обувь и вещи приговоренного. Затем Пёльхау сопровождал его в тюрьму Плётцензее. Дорога в зеленом фургоне занимала минут пятнадцать. Приговоренный успевал выкурить последнюю сигарету или написать прощальную записку. Когда все кончалось, Пёльхау сообщал о казни родственникам – мучительное поручение, ведь нацисты не предупреждали о казнях. О том, что их время пришло, узники узнавали накануне вечером.

Какая мучительная, но возвышенная обязанность – быть последним, кто пытается помочь ближнему своему – облегчить переход из этого мира в иной. Пёльхау мучили кошмары. Смертных приговоров становилось все больше, палачи точили топоры, а он смотрел, как свет угасает в глазах мужчин и женщин.

Когда июньским утром 1934 года обезглавленное тело Ричарда Хеттига везли из тюрьмы Плётцензее, пастор Пёльхау даже не представлял, каким путем пойдет Германия. Он и подумать не мог, что потеряет счет душам, которых он проводил в последний путь. И все же он перестал считать – ограничился лишь примерной оценкой – около тысячи обреченных.

⁷⁷ Буклет мемориального центра Плётцензее. С. 16.

6

«Мышление на крови»

Пока Дитрих Бонхёффер нес свое «пустынное» служение в Лондоне, Дороти Томпсон в августе 1934 года вернулась в Берлин. Она остановилась в элегантном отеле «Адлон» у Бранденбургских ворот, исторического въезда в город. Через девять дней портье позвонил в ее номер и сказал: «Мадам, к вам человек из тайной полиции»⁷⁸.

«Пусть войдет», – ответила Томпсон.

Через несколько минут в дверь вежливо постучали. Молодой гестаповец в гражданской одежде протянул Томпсон письмо: «Властям стало известно, что вы недавно вновь приехали в Германию. Ввиду ваших антинемецких публикаций в американской прессе немецкие власти по причинам национального самоуважения более не могут позволить вам и дальше пользоваться нашим гостеприимством»⁷⁹.

Чтобы не высылать журналистку насильно, правительство предложило Томпсон «покинуть территорию Рейха» в течение суток.

Она только что вернулась из американского посольства, где встречалась с послом Уильямом Доддом. В неформальной обстановке они обсуждали новый проект Дороти Томпсон, посвященный Третьему рейху. Томпсон тут же позвонила послу и спросила: «Что мне делать?» Он велел обратиться к Раймонду Гейсту, что журналистка и сделала⁸⁰. Гейст начал действовать. От своих источников в гестапо он узнал, что статьи Томпсон, напечатанные год назад в *Jewish Daily Bulletin*, привели Гитлера в бешенство. Еще больше лидер национал-социалистов разъярился, узнав, что в апреле 1932 года в *Cosmopolitan Magazine* Томпсон назвала его бледной тенью итальянского диктатора Бенито Муссолини: «...бесформенный, почти безликий... неуравновешенный, неуверенный... истинный прототип “маленького человека”»⁸¹.

Томпсон выслали из страны почти через год после того, как Германию вынужденно покинул ее друг Эдгар Маурер. В мае 1933 года он получил Пулитцеровскую премию за статьи о Гитлере для газеты *Chicago Daily News*. После этого немецкие власти буквально открыли охоту на него. К сентябрю посол Додд сообщил Мауреру, что американское посольство более не может гарантировать его безопасность, и журналисту пришлось принять предложение возглавить парижское отделение.

Для Дороти Томпсон Гейст сумел выторговать лишь один день отсрочки. Следующим же вечером она села на Северный экспресс, отправлявшийся в Париж. Британские и американские журналисты провожали ее на вокзале Фридрихштрассе и в знак поддержки преподнесли букет красных роз. Как только поезд прибыл в Париж, Томпсон окружили французские репортеры. Ее засыпали вопросами. «Канцлер Гитлер более не человек, – заявила Томпсон. – Он – религия»⁸². Она могла многое рассказать, но приберегала информацию для собственной статьи, которая вскоре вышла в *The New York Times*. Томпсон писала, что любой немец, который заговорит о «культе личности» Гитлера, мгновенно окажется в тюрьме⁸³.

⁷⁸ Peter Carlson, «American Journalist Dorothy Thompson Underestimates Hitler». *American History Magazine*. 6 августа 2015 года.

⁷⁹ «Dorothy Thompson Expelled by Reich for ‘Slur’ on Hitler». *New York Times*. 25 августа 1934 года.

⁸⁰ Dodd and Dodd, *Ambassador Dodd’s Diary*. С. 155–156. В то время Гейст был «действующим генеральным консулом». Встреча с Доддом произошла в пятницу, 24 августа 1934 года.

⁸¹ «Miss Thompson Not Resentful». *Jewish Daily Telegraph*. 16 сентября 1934 года; «Dorothy Thompson Expelled by Reich for ‘Slur’ on Hitler»; Dorothy Thompson, «I Saw Hitler!» *Cosmopolitan*. Март 1932 года.

⁸² *Associated Press*, «Ousting Mystifies Dorothy Thompson». 26 августа 1934 года.

⁸³ «Dorothy Thompson Tells of Nazi Ban». *New York Times*. 27 августа 1934 года.

«К счастью, я – американка, поэтому меня всего лишь выслали в Париж. Другим повезло меньше».

Захват нацистами немецкого общества Томпсон называла «самой фантастической и нереальной революцией в истории», фантазмагорией животных импульсов и первобытных инстинктов, которые низводят человека до уровня «мышления на крови»⁸⁴. Идеологическое окружение Адольфа Гитлера было невероятно мрачным и жестоким.

Военизированная машина СА, возглавляемая капитаном Эрнстом Ремом, суровым ветераном Первой мировой войны с лицом, покрытым шрамами, постепенно превращалась в обузу. Количество буйных непокорных штурмовиков уже в двадцать раз превышало численность регулярной немецкой армии. Генералы не могли контролировать этих молодчиков в коричневых рубашках. Хотя Рем поддерживал Гитлера с самых первых дней в Мюнхене, но этот открытый и никого не стыдящийся гомосексуал не входил во внутренний круг нацистской партии. Рем чувствовал, что Гитлер тяготеет к элите и больше не хочет строить по-настоящему бесклассовое немецкое общество. «Теперь он общается только с реакционерами... Сошелся с генералами из Восточной Пруссии. Теперь они его приближенные», – жаловался Рем Герману Раушнингу, консервативному политику из Данцига, тоже охладевшему к нацизму⁸⁵.

Гитлер понимал – нужно что-то делать. Он несколько месяцев анализировал ситуацию с Ремом. Главными его советниками в этом вопросе стали Герман Геринг и Генрих Гиммлер – глава столь же страшной, но гораздо более дисциплинированной СС⁸⁶. Шефу гестапо, Рудольфу Дильсу, который ранее предупреждал Бонхёффера, чтобы тот был осторожен, поручили сплести хитроумную сеть лжи и выставить Рема предателем на содержании французского правительства. Это позволило Гитлеру зачистить СА и значительно укрепить свою политическую и личную репутацию⁸⁷. Гитлер, Геринг, Гиммлер и еще несколько приближенных составили список «нежелательных персон»⁸⁸.

Субботним утром 30 июня эсэсовцы начали настоящую резню, которая продлилась два с половиной дня. Иногда им помогали гестаповцы. Десятки штурмовиков были выстроены у стены военной академии Лихтерфельде и безжалостно расстреляны⁸⁹. Последний канцлер злополучной Веймарской республики, генерал Август фон Шлейхер, открыл дверь своей виллы – и его тут же изрешетили пулями. Следом убили его жену. Застрелили двух помощников Франца фон Папена. Католического священника Бернхарда Штемпфле тоже застрелили – он помогал редактировать книгу Гитлера и, по-видимому, знал слишком много. Отставного баварского политика Густава-Риттера фон Кара, который отказался в 1923 году поддержать пивной путч Гитлера, убили, его тело изуродовали и выбросили в болото.

Около шести утра Гитлер лично вытащил Эрнста Рема из постели в отеле «Ханзельбауэр» на озере Тегернзее, примерно в полусотне километров от Мюнхена. Рема и старших офицеров СА ранее вызвали в отель на важное совещание в субботу. «Рем, – резко сказал Гитлер своему давнему соратнику, у которого еще не выветрился хмель после пятничной попойки, – ты арестован». Рема посадили в машину. Штурмовиков окружили, отправили в подвал. Позднее их привезли в Мюнхен и поместили в тюрьму Штадельхайм – по иронии судьбы именно здесь Рем отбывал короткий срок после путча 1923 года.

⁸⁴ «Dorothy Thompson, Safe from Nazis, Is Home to Find City Agog over Her». *Jewish Daily Bulletin*. 14 мая 1933 года. С. 2.

⁸⁵ Rauschning, *Hitler Speaks*. С. 155.

⁸⁶ Evans, *Third Reich in Power*. С. 33. На русском языке см.: Эванс Р. *Третий рейх. Дни триумфа. 1933–1939*. М.: Астрель, У-Фактория, 2010.

⁸⁷ Rudolf Diels, *Lucifer ante Portas*. Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 1950. С. 379.

⁸⁸ Padfield, *Himmler: Reichs Führer SS*. С. 153. На русском языке см.: Пэдфилд П. *Рейхсфюрер СС*. Смоленск: Русич, 2002.

⁸⁹ Shirer, *Rise and Fall*. С. 221–223, 226; Overy, *Third Reich*. С. 101; Larson, *In the Garden of the Beasts*. С. 207, 304, 306.

К концу дня многие штурмовики были уже мертвы. Гитлер раздумывал, что делать с Ремом. Геринг и Гиммлер советовали проявить твердость. В воскресенье грязную работу выполнил Теодор Эйке, комендант концлагеря Дахау. Вместе с адъютантом он прибыл в тюрьму Штадельхайм. Рему выдали пистолет с одной пулей, чтобы он застрелился сам. Его оставили в одиночестве. Рем стреляться не стал. «Если я должен умереть, – прорычал он, – пусть Адольф сделает это сам». После этих слов «гости» выхватили оружие и застрелили Рема на месте.

Субботняя чистка вошла в историю как «ночь длинных ножей». По примерным оценкам Гитлера, было убито 77 человек⁹⁰. Скорее всего, эта цифра занижена вдвое, а то и втрое. Впрочем, министра юстиции Франца Гюртнера это не волновало. На спешно созванном заседании кабинета министров он официально подтвердил право СС осуществлять аресты и суды. Гюртнер заявил, что Отечество имеет право защищать себя от «предательского нападения»⁹¹. Кабинет объявил действия правительства «законными, поскольку они являются актом самозащиты государства»⁹². Гитлер привел тот же сомнительный аргумент, выступая перед рейхстагом. Он заявил, что у него не было выбора – с подлым капитаном Ремом и предателями нужно было разобраться быстро и решительно. «Если кто-то спросит меня, почему я не прибег к официальному правосудию, я могу сказать лишь одно: в этот решающий час я один отвечал за судьбу немецкого народа и стал верховным судьей немецкой нации»⁹³.

Через две недели рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург умер от рака легких. Похороны Старика, как его любовно называли, положили конец заигрыванию Германии с демократией. С этого момента нужды в выборах больше не было. Канцлер Гитлер стал одновременно и главой государства, и главой правительства. Из уважения к Гинденбургу он отклонил предложение принять мантию президента и провозгласил себя фюрером. Девятнадцатого августа был проведен специальный референдум, на котором немецкий народ отдал верховную власть одному человеку, некоронованному императору XX века. «За» проголосовали 90 % избирателей.

На следующий день был переписан кодекс чести армии. С этого момента военные принимали присягу не своей стране, но своему фюреру.

⁹⁰ *Central European History* 50. No. 2 2017. С. 285–286, цит. Rainer Orth, *Der Amtsstiz der Opposition*. Cologne: Bohlau Verlag, 2016. Хотя согласно статье «Чистка Рема» из «Энциклопедии Холокоста» было убито не менее 85 человек, реальное число жертв могло превысить 200 человек.

⁹¹ Wachsmann, *Hitler's Prisons*. С. 168.

⁹² Fest, *Face of the Third Reich*. С. 465.

⁹³ Shirer, *Rise and Fall*. С. 226. На русском языке см.: Ширер У. *Взлет и падение Третьего рейха*. М.: АСТ, 2022.

7

Я пишу, я говорю

Убийство Рема и последующие чистки воспринимались как акт предательства немецкой нации. Кровавая резня стала одной из причин, по которой долговязый и очень прямолинейный штатный прокурор Министерства юстиции Ганс фон Донаньи начал тайно собирать досье преступлений нацистов. Свое досье он назвал «Хрониками позора». Он собирал документы о взятках, насилии, антисемитизме, запугивании, промывании мозгов немецкой молодежи. Донаньи ставил на будущее. Когда Германия вновь вернется к политическому равновесию, его досье станет свидетельством жестокостей нацистов и, возможно, доказательством для будущих судов. А пока этот счастливый день не настал, Донаньи серьезно рисковал. Узнай хоть кто-то о существовании «Хроник», Донаньи убили бы.

Донаньи проявлял осторожность. Свои заметки он печатал на разных машинках⁹⁴. О его деятельности знали только те, кому он безоговорочно доверял. Одним из таких людей был министр юстиции Франц Гюртнер. Гюртнер занимал свой пост с 1932 года, но, как и Донаньи, не вступил в нацистскую партию. У Гюртнера и Донаньи сложились хорошие профессиональные отношения, и министр не мешал составлять «Хроники позора». Но в то же время он самым тесным образом общался с Гитлером, предпочитая мягко отговаривать его от наиболее одиозных в своей кровавости идей и не перегибать палку. Свое положение он сравнивал с положением врача. Нацизм – это болезнь, но, возможно, не смертельная. «Пока у больного лихорадка, – говорил Гюртнер жене Донаньи, Кристине, – врач не может отойти от постели пациента, даже если считает, что больше ничего сделать не может»⁹⁵. О возможности заразиться из-за тесного контакта с больным Гюртнер не думал.

Сложись жизнь Ганса фон Донаньи иначе, он был бы не «хроникером позора», а руководителем Берлинского филармонического оркестра. Его отец, Эрнст, учился в Королевской венгерской академии музыки в Будапеште. Уже в возрасте восемнадцати лет он сочинил фортепианный квинтет до минор, получивший высокую оценку «главного романтика», композитора Иоганнеса Брамса. Эрнст женился на немецкой пианистке Элизабет Кунвальд, и они переехали в Берлин – точнее, в Грюнвальд, престижный район, где жила семья Бонхёффер. В 1913 году, когда Гансу было одиннадцать лет, родители развелись. Эрнст вернулся в Будапешт и продолжил карьеру пианиста и дирижера. Элизабет давала уроки музыки – доходы значительно снизились, и семье пришлось перебраться в менее престижный район.

Ганс учился в той же гимназии, что и Бонхёфферы. Он подружился с Дитрихом и сблизился с его сестрой Кристиной. Видя, как тяжело приходится матери, после окончания школы Ганс поступил на юридический факультет, позабыв о музыке. В 1924 году он переехал в Гамбург и поступил на работу в Министерство иностранных дел, затем перешел в Институт иностранных дел и попутно защитил диссертацию. Выбор темы очень точно отражал профессиональную репутацию Донаньи: «Международный договор аренды и требование Чехословакии об аренде территории в гавани Гамбурга» – очень далеко от праздных рассуждений.

В личной жизни у Ганса все складывалось хорошо. Ему удалось покорить сердце Кристины Бонхёффер, и в 1925 году они поженились. Представители «старых семей» – Гогенцоллерны, Фюрстенберги, Безелагеры – всегда тянулись друг к другу, сходились, сплетая родо-

⁹⁴ U. Hassel, *Ulrich von Hassel Diaries*, 276п43. Составляя отчет о тайных контактах с Ватиканом, Донаньи использовал двенадцать пишущих машинок. Не менее осторожно он подходил к набору «Хроник позора», что заметно невооруженным взглядом: от страницы к странице шрифт разнится.

⁹⁵ Sifton and Stern, *No Ordinary Men*. С. 46.

словные, земли и гербы (на гербе Бонхёфферов изображен лев, сжимающий в лапах бобовый побег; на гербе Донаньи – золотой пеликан и пучок стрел)⁹⁶. Семьи Бонхёффер и Донаньи заключили двойной союз: старший брат Кристины, Карл-Фридрих, вскоре женился на сестре Ганса, Грете.

Кристина была на два года младше Ганса. Ради создания семьи она бросила учебу на факультете зоологии Берлинского университета. В 1929 году Донаньи вернулись в Берлин. К этому времени у них уже было трое маленьких детей. Работа Ганса в Гамбурге принесла прекрасные плоды: к двадцати семи годам он стал личным помощником Франца Гюртнера в Министерстве юстиции. Хотя Донаньи был открытым сторонником демократии Веймарской республики, свою должность он сохранил и после прихода к власти нацистов. Летом 1933 года Гюртнера и Донаньи пригласили на совещание в Бергхоф – шале Гитлера в Баварских Альпах, неподалеку от Берхтесгадена. Гитлер произвел на Донаньи неизгладимое впечатление.

«Этот человек безумен», – сказал он Кристине, когда вернулся домой⁹⁷.

Время шло. Донаньи выплескивал свое раздражение на страницы «Хроник позора». Десятого декабря 1934 года он записал, что начальник тюрьмы в Штеттине выразил недовольство по поводу «акта милосердия» по отношению к «заключенному Кюсснеру». Кюсснера приговорили к 18 месяцам заключения за вооруженное ограбление, совершенное в форме СС. Но «всего через два с половиной месяца он был условно освобожден»⁹⁸. Десятого мая 1935 года прокурор из города Галле сообщал о жалобе заключенного Вальтера Глаубрехта на неподобающее отношение. Глаубрехт находился в концентрационном лагере Лихтенбург, где его вынуждали «бегать кругами», а штурмовики преследовали его, «избивая дубинками». Глаубрехт сообщал, что в лагере есть «камера призраков», где узников «подвергают мукам безо всякой причины и даже избивают до смерти. Официальной причиной смерти объявляют сердечный приступ». В записи от июля 1935 года рассказано о происходящем в Магдебурге. Кто-то услышал, как человек по фамилии Зонтаг сказал: «Я был и остаюсь верен кайзеру». Через пару дней в его дом ворвалось более семидесяти нацистов и парней из гитлерюгенда, «в результате чего жилищу был причинен значительный ущерб».

Четырнадцатого мая 1935 года Донаньи записал в своей хронике, что подал Гюртнеру некий документ, а тот переслал его министру внутренних дел Вильгельму Фрику. Именно Фрик отвечал за создание и управление растущей сетью концлагерей, где содержались политзаключенные. В переданном документе говорилось о жестоком обращении с заключенными-коммунистами. Гюртнер уже не раз выговаривал Фрику за «многочисленные случаи» жестокого обращения. Он говорил, что заключенных мучают не только для получения информации, но часто «просто так или по садистским мотивам». Гюртнер упоминал, что охранники одного лагеря схватили женщину-заключенную и подвергли ее жестокому избиению «кнутами и хлыстами». Узников лагеря Хоенштайн подвергали известной еще в Средние века пытке каплей: на головы несчастных часами капала вода. В Гамбурге четырех заключенных на несколько дней привязали к крестам и в качестве еды выдавали лишь немного хлеба. Подобные действия «оскорбляют немецкую душу», писал Гюртнер. Если это немедленно не прекратится, Министерство юстиции будет вынуждено предпринять меры. Чтобы Фрик понял всю серьезность заявления, Гюртнер добавлял, что «во время подавления бунта Рема фюрер приказал расстрелять трех членов СС за жестокое обращение с заключенными».

⁹⁶ Bethge, *Dietrich Bonhoeffer*. С. 9; Dohnányi, *Ernst von Dohnányi*. С. 2.

⁹⁷ Биографические детали этой главы взяты из книги Sifton and Stern, *No Ordinary Men*, если не указано иное. «Этот человек безумен» (45).

⁹⁸ Записи из «Хроник позора» и служебная записка Ганса фон Донаньи Францу Гюртнеру от 14 мая. NCA, Doc. 3751-PS, 6:636–645.

Среди политических заключенных, которые регулярно подвергались избиениям и преследованиям, был журналист и поэт, убежденный антифашист Карл фон Осецкий. Донаньи в силу своей должности знал о большинстве юридических махинаций Третьего рейха и досконально изучил дело Осецкого. Хранитель «Хроник позора» видел в судьбе Осецкого предостережение – критиковать нацистскую Германию становилось все опаснее.

Маленький, с орлиным носом и выступающей челюстью, Осецкий напоминал боксера среднего веса, который не боится пропустить удар. Во время Первой мировой войны он был на фронте и домой вернулся пацифистом. В мирной жизни он стал редактором разоблачительного еженедельника *Die Weltbühne* («Мировая сцена»). Именно в *Die Weltbühne* в 1929 году Осецкий опубликовал свое расследование: пилоты веймарского правительства тренировались и испытывали самолеты в Советском Союзе, что было грубым нарушением Версальского договора.

Осецкого обвинили в государственной измене, и в конце 1931 года он был осужден. Он отказался от возможности бежать в Швейцарию и заявил: «Если хотите по-настоящему бороться с гнилью в государстве, это нужно делать изнутри. Голос из-за границы – это пустой звук»⁹⁹. Осецкого приговорили к восемнадцати месяцам заключения, но, к счастью, отбыл он лишь семь – к Рождеству 1932 года его освободили.

Долго наслаждаться свободой не пришлось. Осецкий всей душой верил в разоружение, и планы Адольфа Гитлера ему претили. Даже за решеткой он писал обличительные статьи о нацистах. «Национализм и антисемитизм, – заявлял он – это орудия фашизма. Сегодня в воздухе чувствуется сильный запах крови».

Гитлер слышать подобное не хотел. Так что на следующее утро после пожара Рейхстага в феврале 1933 года Осецкого арестовали и отправили в отдаленный лагерь Эстервеген в Нижней Саксонии. Узник под номером 562 был помещен в «предупредительное заключение». Гитлер продолжал устранять потенциальных противников и несогласных¹⁰⁰.

⁹⁹ «Germany: Natural Death». *Time*. 16 мая 1938 года.

¹⁰⁰ Otto D. Tolischus, «Germany Shows Anger». *New York Times*. 25 ноября 1936 года. См. также Нобелевскую речь в честь Осецкого 10 декабря 1936 года. URL: www.nobelprize.org/prizes/peace/1935/ceremony-speech/.

8

Паства под рукой моей

В Лондоне насчитывалось шесть немецких лютеранских церквей. В середине октября 1933 года Дитрих Бонхёффер принял под свою руку церковь Святого Павла в районе Уайт-чепел и Немецкую евангелическую церковь в Сайденхэме, на юго-востоке города. В церковь Святого Павла ходили рабочие – синие воротнички, Сайденхэм считался более престижным районом – здесь в церковь ходили коммерсанты в твидовых костюмах и экспаты из немецкого дипломатического корпуса¹⁰¹. В обеих церквях службы велись на английском. Бонхёфферу говорили, что у него заметен сильный американский акцент.

Бонхёффер поселился в доме священника в Сайденхэме – в большом двухэтажном кирпичном здании в неовикторианском стиле. Дом располагался на вершине холма, откуда в ясные, солнечные дни можно было видеть Биг-Бен и Вестминстерский дворец. Бонхёффер занимал две просторные комнаты наверху. Не верх роскоши – деревянные полы скрипели, из окон дуло, центрального отопления не было, горячую воду давали непредсказуемо, по всему дому бегали мыши. Вдобавок приходилось терпеть унылую британскую погоду и еще более унылую британскую еду. Впрочем, когда Бонхёффер привез из Германии свой фонограф, записи, множество книг и рояль, в доме стало уютнее. Родители одолжили ему кое-что из мебели и одну из своих экономок¹⁰².

Пастор и прихожане быстро поладили, однако в основе этого лежала не только и не столько приязнь. Полиглот с множеством ученых степеней внушал пастве священный трепет. Свои – весьма заумные – проповеди он писал заранее. Прихожане внимали молодому интеллектуалу, не всегда понимая, о чем он говорит.

Пастор Бонхёффер был прекрасно воспитан, методичен и отличался перфекционизмом. Лишь при игре в пинг-понг им овладевал настоящий азарт. Пастор очень внимательно относился к деталям и требовал абсолютно точного исполнения гимнов. На его слух, прихожане церкви Святого Павла пели каждый стих медленнее предыдущего, словно у них садились батарейки. Поэтому каждую службу Бонхёффер просил церковного органиста задать темп побыстрее. Впрочем, это не помогало. Тогда пастор решил создать хор, который сможет правильно спеть хотя бы рождественские гимны.

Бонхёфферу было всего двадцать семь, однако он прекрасно управлялся с двумя церквями, пусть бумажная работа его и угнетала. Он был пастором, а потому знал о мечтах и чаяниях, радостях и печалях множества относительно незнакомых людей. И каждая жизнь заслуживала целого романа. «Невозможно представить, чтобы в таком малом приходе происходило столько событий», – писал он родителям.

Ближе всего пастор сошелся не с прихожанами. Выходец из Берлина Юлиус Ригер был на пять лет старше Бонхёффера. Он тоже защитил докторскую степень и получил степень по богословию. В Лондон Ригер приехал в 1930 году и служил в лютеранской церкви Святого Георгия в Ист-Энде, неподалеку от церкви Святого Павла¹⁰³. Накануне отъезда Бонхёффера

¹⁰¹ Биографические детали и цитаты взяты из: Schlingensiefen, *Dietrich Bonhoeffer, 1906–1945*; Zimmermann et al., *I Knew Dietrich Bonhoeffer*; Bethge, *Dietrich Bonhoeffer; DBWE*. Описания двух приходоов взяты из: Schlingensiefen, *Dietrich Bonhoeffer, 1906–1945*. С. 146.

¹⁰² Leibholz-Bonhoeffer, *Bonhoeffers*. С. 47.

¹⁰³ Chandler and Ringhauser, *George Bell – Gerhard Leibholz Correspondence*. С. 17. Существуют расхождения относительно прибытия Ригера в церковь Святого Георгия. В некоторых источниках утверждается, что он прибыл в 1929 году.

в Великобританию Ригер как раз был в Берлине. Пасторы встретились в ресторанчике возле зоопарка. Город бурлил – только что стало известно, что Германия вышла из Лиги Наций.

«Это приближает начало войны», – вздыхал Бонхёффер. Ригер считал это алармизмом – у страха глаза велики. Но он разделял веру Бонхёффера в экуменизм и его восхищение епископом Чичестерским, членом британской палаты лордов Джорджем Беллом, одним из пионеров этого движения. До приезда в Лондон Бонхёффер знал Белла лишь заочно. Но это быстро изменилось.

С Беллом у пастора сложились самые сердечные отношения. Оба родились в один и тот же день, 4 февраля, только с разницей в двадцать три года. Оба разделяли интерес к искусству, музыке и политике. У епископа было множество друзей за рубежом. К радостному удивлению Бонхёффера, Белл лично знал Махатму Ганди, возглавившего народное восстание против британского колониального владычества. Во время учебы в Объединенной теологической семинарии Бонхёффер прочел мемуары Ганди. Идея ненасильственного гражданского неподчинения так его заинтересовала, что он даже собирался совершить паломничество в Индию. Не может ли тактика Ганди сработать и в нацистской Германии?

В октябре 1934 года Белл написал Ганди письмо: «Мой друг, молодой человек, немецкий пастор в Лондоне... буквально требует, чтобы я познакомил его с вами. Он хочет изучить общинную жизнь и методы обучения. Не будете ли вы так добры, чтобы позволить ему приехать к вам?»¹⁰⁴

За несколько недель до Рождества Бонхёффер получил ответ. Ганди приглашал его приехать в ашрам на севере Индии – в одиночку или вместе с кем-то. «Чем раньше, тем лучше», – добавлял он, заранее предупреждая, что придется терпеть безумную жару и вегетарианскую кухню.

Сопровождать Бонхёффера вызвался Юлиус Ригер. Бонхёффер показал приглашение Рейнгольду Нибуру, своему профессору по Объединенной теологической семинарии и отъявленному прагматику. Тот счел подобную поездку плохой и даже опасной затеей¹⁰⁵. Гитлеру не было никакого дела до моральных увещаний. Ненасильственное сопротивление нацистам можно было сравнить с воздушными поцелуями разъяренному медведю. И все же Бонхёффер от своей идеи не отказался. Дипломат из немецкого посольства любезно предоставил ему несколько легких костюмов, и пастор любовался ими, предвкушая несколько месяцев в знойной Индии¹⁰⁶.

Но примерить обновки Бонхёфферу так и не довелось.

Пастор скучал по Берлину. Он звонил домой почти каждый день и искал любые поводы, чтобы хотя бы ненадолго вернуться на родину. В Лондоне он продолжал участвовать в церковной политике к вящему раздражению представителей Немецкой протестантской национальной церкви. В марте 1934 года глава международного отдела Теодор Хеккель потребовал, чтобы Бонхёффер подписал обязательство «с этого момента воздерживаться от любой экуменической деятельности».

Бонхёффер любезно отказался. Больше того, чтобы утереть нос Хеккелю, в августе он выступил на экуменической конференции в Дании, где страстно отстаивал пацифизм, называя его важнейшим условием для мира во всем мире. Он говорил, что христиане не должны «использовать оружие друг против друга, потому что тем самым они направляют оружие свое в самого Христа».

¹⁰⁴ Bethge, *Dietrich Bonhoeffer*. С. 408. Датировано 22 октября 1934 года. См. также: *DBWE*, 13:210.

¹⁰⁵ Rasmussen, *Dietrich Bonhoeffer*. С. 213, 216. См. также: *DBWE*, 13:182–184.

¹⁰⁶ Leibholz-Bonhoeffer, *Bonhoeffer*. С. 73.

Экстренная пасторская лига, в которой Бонхёффер, Карл Барт и пастор Мартин Нимёллер играли важную роль, была распущена в мае 1934-го. Но их это не устрасило, и они создали свою ветвь Национальной протестантской церкви. Их Исповедующая церковь не имела никаких связей с нацистской партией и решительно выступала против обожествления Гитлера. К ним вскоре присоединились более двух тысяч пасторов.

Немецкое правительство не могло одобрить подобной агитации. В январе 1935 года Мартин Нимёллер самым странным образом выяснил, что его телефон прослушивают. Он входил в небольшую группу религиозных деятелей, которым Адольф Гитлер предложил высказать свои мнения Рейхсканцелярии.

В начале совещания Герман Геринг прочел расшифровку одного из личных телефонных разговоров Нимёллера. Чтобы запугать пастора еще сильнее, тем же вечером в его церковь ворвались восемь гестаповцев. Они искали доказательства незаконной деятельности, но так ничего и не нашли¹⁰⁷. Нимёллер был весьма своеобразным критиком нацизма. В 1933 году он проголосовал за Гитлера, и в целом антисемитизм ему не претил (в одной проповеди он открыто обвинил евреев в распятии Христа)¹⁰⁸. Для Нимёллера камнем преткновения было вмешательство нацистов в политику Лютеранской церкви, а вовсе не жестокое обращение с евреями.

Досталось и резкому Карлу Барту. В ноябре 1934 года его уволили из Университета Бонна за отказ принять обязательную клятву верности Гитлеру и начинать занятия с церемониального нацистского приветствия. На дисциплинарных слушаниях Барт зачитал выдержку из «Апологии» Платона и заявил, что профессору богословия не подобает «начинать комментарии к Нагорной проповеди со слов “Хайль Гитлер”»¹⁰⁹. По его мнению, это святотатство. Барт был столь убедителен в своих речах, что если вначале его хотели временно отстранить от работы, то в итоге решили уволить. Впрочем, ему сразу же предложили факультет в Университете Базеля, и он благополучно вернулся в родную Швейцарию.

О злключениях Барта Бонхёффер прочел в *London Times*. «Не могу поверить, что это правда, – писал он брату, Карлу-Фридриху, – но если это так, то, похоже, я должен вернуться домой, чтобы в университетах был хоть кто-то, кто может сказать нечто подобное». Время для возвращения было выбрано случайно, хотя и довольно удачно. Отправляясь в Лондон, Бонхёффер взял академический отпуск и прекратил преподавать в Берлинском университете, и ничто не мешало ему из этого отпуска выйти. Кроме того, новая Исповедующая церковь решила действовать вне поля притяжения нацистской Национальной протестантской церкви. Они создали две небольшие независимые семинарии и собирались открыть еще три. Бонхёффер согласился возглавить одну такую семинарию. Проведя в Лондоне всего полтора года, он сложил с себя пасторские обязанности. К середине апреля 1935 года Бонхёффер вновь ступил на немецкую землю.

Семинария Бонхёффера носила имя Бранденбургская семинария проповедников Исповедующей церкви Старопрусского союза, или просто Семинария проповедников. В пяти ее отделениях занимались около сотни священников. Бонхёффер курировал двадцать три из них. Он спешил превратить свою семинарию в настоящее учебное заведение. На побережье Балтийского моря он арендовал несколько лачуг (пастор и его семинаристы часто гуляли среди дюн, одетые в строгие костюмы с галстуками), но в июне нашел кое-что получше – заброшенную школу близ Финкенвальде, в 240 километрах от побережья, на реке Одер.

¹⁰⁷ Lutzer, *Hüter's Cross*. С. 130.

¹⁰⁸ Цит. по: Martin NieMüller, *First Commandment*. London: William Hodge, 1937. С. 243–250.

¹⁰⁹ Детали отставки Барта, слушаний в Кёльне и книги Платона взяты из: Bowden, *Karl Barth: Theologian*. С. 59–60; Barth, *Barth in Conversation*. С. 152, 159–160.

До Берлина можно было доехать за три часа, и Бонхёффер каждую неделю садился в свой кабриолет «Ауди» и катил в столицу, чтобы прочесть лекцию в Берлинском университете. Там он узнавал последние политические сплетни от родных и друзей. Вдобавок всегда можно было рассчитывать на информацию от Ганса фон Донаньи – о чистке Рема (по его словам, убили 207 человек, а не 77, как утверждал Гитлер) или о новых расовых законах.

Финкенвальде целиком зависел от пожертвований и поставок. В письме Карлу-Фридриху Бонхёффер писал, что не жалеет о принятом решении: «Я твердо верю, что стою на верном пути – впервые в жизни». Ему посчастливилось найти двух верных помощников. Рут фон Кляйст-Ретцов была вдовой. Ей принадлежало огромное поместье в соседнем городке Кляйн-Кроссин. Истинная христианка и убежденная противница нацистов, она побывала на нескольких службах в Финкенвальде и сразу же стала верной поклонницей и меценатом Бонхёффера¹¹⁰. Она пожертвовала семинарии мебель и ковры, а пастору предоставила кабинет в своем поместье, где он мог спокойно писать и размышлять. Они так сблизились, что Кляйст-Ретцов попросила пастора Бонхёффера крестить нескольких своих внуков.

Богослова Эберхарда Бетге уволили из лютеранской семинарии в Виттенберге за недопустимую близость к Исповедующей церкви. И тогда он перебрался в Финкенвальде. Бонхёффер играл на рояле, но внешне напоминал виолончель. Высокий, худощавый Бетге играл на флейте – и именно на нее был похож¹¹¹

¹¹⁰ Dramm, *Bonhoeffer and the Resistance*. С. 58.

¹¹¹ Бетге был настоящим мастером игры на флейте. URL: www.luther.edu/headlines/?story_id=834484.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.